

Дмитрий Герентьев

ПЛАМЕНЬ ВЕРЫ

ПОВЕСТЬ

Нижний Новгород
2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6
Т35

Терентьев Д.А.
Т35 Пламень веры: повесть / Дмитрий Терентьев – Нижний
Новгород: Гладкова О.В., 2019.– 71 с.
ISBN 978-5-93530-493-5

Рисунки и компьютерный дизайн обложки – Елизавета Байдурова

Редактор и автор вступительной статьи – Андрей Кузечкин

Дмитрий Терентьев – поэт, прозаик, музыкант. Родился в 1987 г. в городе Горьком. Лауреат литературных премий и конкурсов, в том числе «Северная звезда» (2013 год) в номинации «поэзия», Второго Международного литературного фестиваля им. Максима Горького, Слётов молодых литераторов в селе Большое Болдино в номинациях поэзия, проза, авторская песня; лонг-листер премии «Белла». Стихи и рассказы были опубликованы в различных изданиях, в том числе в антологии молодой литературы России «Заря». Автор двух сборников стихов: «Человек дождя», «Мозаика раненой нации». Член Союза писателей России. Участник 17-го Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья и совещаний молодых писателей в г. Москве.

Первая книга прозы автора «Пламень веры» – повесть о поиске человеком себя и Бога. Автор не ставит перед собой цели кого-то сагитировать, поэтому даже далёкие от религии люди могут смело взять эту книгу в руки и найти ответы на множество интересных вопросов: что заставляет современного человека уходить в монастырь, как живут в монастыре, чем питаются, какие там порядки и правила... И, в целом, повесть помогает понять менталитет (модное нынче слово!) православного человека. А верить или не верить – этот вывод каждый сделает сам.

ISBN 978-5-93530-493-5

© Терентьев Д.А., 2019

© Оформление. ИП Гладкова О.В., 2019

Удивительные вещи происходят в русской литературе сейчас. Пока известные писатели играли в постмодернизм, выворачивая наизнанку известные сюжеты, смешивая стили и придумывая словам неожиданные смыслы, выросло новое поколение литераторов, каким-то образом сумевшее все эти игрища проигнорировать. Словно не было ни пресловутого Сорокина с Пелевиным, ни Михаила Шишкина, ни даже Саши Соколова, а критический реализм русской классики XIX века и деревенской прозы XX-го вовсе не умер, а просто прилёг отдохнуть.

И всё-таки – как это? Тридцатилетний прозаик Дмитрий Терентьев создаёт повесть под названием «Пламень веры»? В XXI веке? О том, как успевший устать от жизни молодой человек отправляется в монастырь? Причём, пишет эту повесть на полном серьёзе? Безо всякого там подтекста, без попыток стилизоваться под кого-то? Даже без, выражаясь словами нерадивых рецензентов, «лихо закрученного сюжета»? Уму непостижимо!

Да, название звучит наивно и как-то расплывчато. «Жизнь в монастыре для "чайников"» точнее отражало бы суть, но Терентьев взял за правило писать о серьёзных вещах самыми серьёзными словами. С другой стороны, он не ставит перед собой цели кого-то сагитировать, поэтому даже далёкие от религии люди могут смело взять эту книгу в руки и найти ответы на множество интересных вопросов: что заставляет современного человека уходить в монастырь, как живут в монастыре, чем питаются, какие там порядки и правила... И в целом, повесть помогает понять менталитет (модное нынче слово!) православного человека. А верить или не верить – этот вывод каждый сделает сам.

Автор сознательно отказывается от какой бы то ни было увлекательности. Даже потенциально интересная линия о столкновении героя с уголовником, невесть как затесавшимся среди монастырской братии, не получает должного развития. Автору важнее показать, что творится на душе у молодого русского человека – если точнее, у представителя той прослойки, которую

можно назвать «думающей молодёжью из народа» и которой, если верить популярным деятелям современного искусства, якобы не существует – по мнению этих деятелей, население нашей страны делится на элиту и быдло, причём себя они, конечно, причисляют к первой категории. Тогда как для «быдла» все пути в этой жизни закрыты, и остаётся одно – алкоголь... Но закрыты ли? Дмитрий Терентьев, который и сам успел многое пережить, показывает, что выход есть всегда. И это не всегда монастырь.

Этот искренний и свежий взгляд на жизнь полностью искупает все недостатки повести. Очень советую читателю не придирается к мелочам – мол, а вот тут можно было по-другому написать – а включиться в процесс и посмотреть на мир глазами Дмитрия Терентьева и его героя. Узнаете много нового.

*Андрей Кузечкин, писатель,
литературный критик, музыкант*

ПЛАМЕНЬ ВЕРЫ

(повесть)

1

*«Тогда Иисус сказал им: еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет»
Евангелие от Иоанна, стих 12.35*

Я просыпаюсь от жажды. Ощупываю голову и лицо. Кажется, ран и синяков нет, но голова раскалывается. Сводит руки и ноги, значит вчера опять пил какую-то сивуху. С начала моего запоя чего я только уже не перепробовал. В щель между шторами противно и навязчиво льётся дневной свет, следовательно, теперь, как минимум, утро. Только вот какого дня? Если вчера я пил с Серёгой, а пьёт он только по четвергам в свой единственный выходной, то сегодня пятница. Да, утро пятницы. Я с усилием поднимаюсь на локте, и боль в голове усиливается, подступает тошнота. Но самое плохое то, что приходит иная, гораздо более сильная боль. Боль, которая разрывает изнутри. Мне мерещится, что в прихожей кто-то замер и готов наброситься и убить меня, как только я пойду попить воды на кухню. Неужели, белая горячка?! Только этого не хватало. «Господи, Господи, когда же это всё кончится? Сколько мне ещё нужно терпеть? Почему ты просто не можешь дать мне покой?» – говорю я вслух и с трудом поднимаюсь с постели. Стены надвигаются, потолок грозит рухнуть. Я чувствую, что штаны влажные и противно воняют. Опять недержание. В запое организм отказывается будить по нужде затуманенный алкоголем мозг. Никого в прихожей, конечно, нет. Проверяю входную дверь, – закрыта. Бывало, что спал и с открытой настежь. Хотя, тащить из квартиры у меня осталось только мебель, да, пожалуй, стиральную машинку. На кухне, как и ожидалось, бардак и вонь: на столе и по полу разбросаны пустые бутылки из-под водки и дешёвого пива, огрызки яблок, остатки от бутербродов с паштетом. В банку с недоеденной квашеной капустой натканы бычки от «Святого Георгия». Значит, пил не один. «Господи, я хочу домой! Забери меня» – снова говорю я

вслух. При этом, я прекрасно понимаю, что нахожусь, собственно, дома, но не ощущаю себя в комфорте и уюте. Как будто я вырван из реальности; выброшен из гнезда неистовым ураганом, как не до конца оперившийся птенец, снесён бушующим морем с палубы своего судёнышка, как несмышлёный щенок, лаявший на выраставший за бортом вал. Как будто мой дом не здесь, а там, где я жил когда-то до рождения. Я всегда говорю это бессознательно, мучаясь от абстинентного синдрома, адреналиновой тоски, попросту большого бодуна. Как там утешал себя Кингели Эмис: когда тебя накрывает депрессия и ненависть к себе, просто помни, что это кажется, что всё на самом деле тип-топ. Да... «Метафизическое похмелье». Не знаю, есть ли в похмелье хоть какая-то метафизика, по мне так в нём сплошная диалектика. Химия. Всерьёз же считают, что человеческое тело состоит из молекул. А всё, что происходит в организме, в том числе, и на уровне чувственного восприятия, является всего лишь химической реакцией. Значит, и мои страхи и боль вызваны всего лишь химической реакцией. Но сколько себе зубы не заговаривай, легче ничуть не становится.

Попив воды, проковыляв по стенке к постели, я забираюсь под одеяло. Меня колотит. Трясёт и колотит, и сводит мышцы конечностей. Похмеляться больше не буду, с меня хватит. Впереди часы мучительной борьбы со своими демонами...

Из полудрёмы меня выдергивает звонок мобильного (странно, что я его вчера не пропил, или не потерял). Звонит мать.

– Илья, Илья, – голос её звучит заплаканно, прерывисто и жалостно, – ты же обещал мне! Говорил же, что пить не будешь. Ну что ты молчишь?

– Ну что говорить, мать, – от головной боли мне сложно и слушать её, и говорить самому, – обещал, значит, брошу.

– Когда? Когда ты бросишь? Ведь ты же обещал сегодня ехать к Отцу Иосифу, – в голосе матери появляется назидательный оттенок, – не покаешься, не спасёшься! Нечистый быстро таких к себе забирает, ведь сатанинское зелье в себя льёшь. Да ещё Господа хулишь, сколько я тебе говорила, ступай на службу, исповедайся.

– Да хватит, мать! – я срываюсь на крик. Её нравоучительные морализаторские проповеди всегда задевают меня, даже если я

искренне не хочу обидеть, – надоело уже слушать твою религиозную пропаганду! Живу как хочу! Хочу и в ад лечу!

Последнее, что я слышу, это её громкие всхлипывания. Она бросает трубку, зная, что от меня в таком состоянии ничего, кроме ругани не дождёшься. Я вновь укутываюсь с головой под одеяло. К уже терзающим меня стыду и страху добавляется боль от беспочвенно нанесённой обиды матери. Что она там говорила про Отца Иосифа? Ах да, ведь сегодня пятница, а я должен был ехать в монастырь! Я отыскиваю мобильник и набираю ответный звонок.

* * *

Обычно вечером пятницы все городские магистрали на выезд из города в область перегружены километровыми пробками, но странным образом, буквально за полчаса, автобус, в котором я еду, успевает пересечь мост через реку и уже мчится по загородному шоссе. словно откровением возникает мысль, – «Бог ведёт». Я сижу рядом с водителем и смотрю вместе с ним через лобовое стекло на дорогу. Я люблю ездить в автобусах с детства. Мальчиком меня возили в деревню, тогда ещё на старых «ЛИАЗах», в народе называемых черепахами, и я украдкой «помогал» рулить водителю. Мне казалось, что водителю обязательно нужно помогать рулить, хоть и мысленно. Теперь по шоссе практически в полной тишине катит современный «IVEКО», и только шорох шин и свист ветра заставляют меня не отключаться от реальности и не засыпать. Главное не спать, могут прийти демоны. Спать вообще стало страшно. Порой лежишь на боку, отвернувшись к стенке, вдруг в прихожей дверь скрипнет. Точно знаешь, что дома один, и дверь входную закрывал. С щелчком, похожим на перезарядку пистолета, захлопывается комнатная дверь. Слышны крадущиеся шаги к постели. Я оборачиваюсь и кричу во весь голос. И... И просыпаюсь, понимая, что это всего лишь сон...

После плотного обеда у матери, тяжелое похмелье отступило, по крайней мере, уже не мутит. Мыслями я далеко отсюда, и далеко от города, из которого только что выехал. Все мои прежние проблемы и заботы стеной осыпаются в зеркале заднего вида пригородного автобуса, как только он проезжает дорожный указатель «Нижний Новгород». Во мне с равной силой борются сомнения и надежды. Обычно похмелье я переносю

тюленем на диване, катаясь по нему как по льдине, тщетно пытаюсь унять внутреннюю боль, пожирающую меня изнутри и разрастающуюся, как чёрная дыра. Но по воле Божьей, иначе тут не скажешь, мать в интернете наткнулась на телефон настоятеля лесного скита, и долгое время уговаривала меня поехать туда хоть на несколько дней трудником. Я, как обычно, долго препирался и отказывал, но, видимо, как-то в одном из «выходов» согласился. «Выходы» у меня происходили после длительных запоев, сопровождавшихся многими неприятностями, будь то очередная пропитая или потерянная вещь, оскорбление близкого человека, уличная драка и даже случайный и беспринципный секс, что редко, но иногда всё же случалось. «Выходами» я называю то особенно пограничное экзистенциальное состояние, когда, как мне кажется, я нахожусь на пороге собственной смерти. В эти часы я что-то бессвязно кричу, бросаюсь на стены, шарахаюсь сомнамбулой по квартире, или просто вою, спрятавшись за диваном. Жуткое зрелище, особенно для стороннего наблюдателя.

Как я стал алкоголиком? Я задавал себе этот вопрос тысячу раз, и тысячу раз давал себе разные ответы на него. Ну, положим, наследственность. Но не все дети алкоголиков идут по стопам родителей, примеров предостаточно. Ранний возраст. Да, пить я начал ещё в школе. Школьные мои годы пришлись как раз на «лихие девяностые», и развлечения не отличались разнообразностью. Наигравшись в казаков-разбойников, пекаря и самопалы, я за компанию потянулся к бутылочке, сначала пива, а потом и чего покрепче. Но это была скорее подростковая заинтересованность. Затем Речное училище: форма, флот, безбабье и армейская муштра. Напивались мы с одноклассниками изрядно, даже до ментовки доходило, но и это азарт, желание впрыснуть адреналина в молодую кровь, а не алкогольная зависимость. Может, жизнь в деревне, где алкоголь лился рекой, причём, самогон, преимущественно сомнительного качества, не исключено, что замешанный на димедроле. Или институт: студенческие попойки по всему миру у многих вызывают осуждение, страх, а порой и отвращение. Да, нет, пожалуй, всё-таки когда потерял работу и уехал на Ямал. Да, Ямал...

Сегодняшним утром после звонка матери я позвонил и настоятелю скита Отцу Иосифу. Он приветливо ответил мне и с

готовностью согласился принять на недельку в свою братию. И вот теперь я лечу сквозь время и пространство навстречу неизвестности в капсуле рейсового автобуса, держащей курс на серое полотнище июньского дождя. Нам кланяются берёзы и бросают вслед молодую листву. Меня одолевает страх перед неизвестностью. Страх душит словно борец на татами, и мне становится тяжело дышать. «Куда я еду? Зачем? Как меня встретят? Что я там буду делать?» – эти вопросы заставляют меня ерзать на сидении и крепче удерживаться в кресле. Освободившись от воображаемого захвата, я побеждаю страх: я не привык разворачиваться на полпути. За страхом оскоминой приходит нерешительность. «Нужно ли было ставить вопрос ребром? Стоило ли уезжать? Не достаточно ли было сходить с матерью на службу в соседний храм и исповедаться?» – эти вопросы я пережевываю вместе с кожей губ. Мне кажется, что водитель, отвлекшись от дороги, подмигивает мне и кладёт руку на плечо. Вместе с его тёплой ладонью на сердце ложится надежда. «Это необходимо, хотя бы для смены обстановки. Для укрепления веры. Там помогут справиться с унынием. Помогут снять боль» – говорю я себе, и тепло от сердца растекается по моим сосудам и жилам. Появляется уверенность в правильности сделанного выбора. Я удивляюсь, видя в отражении окна свою улыбку. Сколько времени я не улыбался? Не улыбался душой, пьяные похотливые оскалы не в счёт. Похоже, так давно, что это был совсем другой человек. Дождь саранчой стучится в лобовое стекло. Водитель включает дворники, и сбрасывает его на дорогу. Под шелестом шин я слышу предсмертные хрипы раздавленного дождя. До скита совсем близко.

Автобус останавливается у поворота на грунтовую полевую дорогу. Дальше пешком, вряд ли тут кто-то вскоре поедет. Пасмурно, дождь только что прошёл. Поле не засеяно, и всё поросло травой. Она качается под затрещинами непонимающего куда лететь ветра, и над ней жужжат и свистят многочисленные насекомые. Мир вокруг благоухает. Двигается. Дышит. В голову лезет избитая мысль: «Так было до тебя, и будет после тебя. Мир живёт отдельно от тебя, вне твоих представлений о нём».

Глубоко вдыхая свободный от выхлопных газов и дыма заводов ароматный воздух, неспешно бреду к цели. Похмелья как

не бывало. Поле сменяется смешанным лесом. Появляется просвет, и я выхожу к высоким арочным решётчатым воротам, верх которых венчают три голубых купола с золочёными крестами и икона Богородицы «Неупиваемая чаша» в центре. В стороны от ворот уходит глухой забор из профнастила. Подхожу к воротам, за ними частично видна обширная территория скита: тропинки, газоны, берёзовые аллеи, низкие одноэтажные постройки, возвышающееся на всеми ними деревянное сооружение храма. Монастырская тишина, лучше не скажешь, слышно лишь мерное перешептывание берёз и щебет птиц. Поначалу монастырь кажется пустующим, но, осматриваясь, замечаю свежескошенную траву, дымок, выходящий из трубы одноэтажного здания. Вокруг никого. С левой стороны от ворот вижу звонок и звоню. Электрическая трель разносится по округе звоном набатного колокола. Я вздрагиваю от неожиданности, кажется, вздрагивают даже берёзы. Жду какое-то время, никакого движения за воротами не наблюдается. Не решаюсь звонить повторно, отхожу отдохнуть к лавочке, стоящей поодаль от ворот скита. К ней приставлен переломанный у основания, вероятно от ветхости, фонарь на древке. Я замедляюсь, погружаюсь в раздумья...

* * *

Душа моя, как этот фонарь. Когда-то был внутри меня крепкий стержень, на котором, как у Данко, горел пламень сердца моего, заставляя отступать сгущающийся мрак ночи и обогревая не только меня самого, но и тех, кто отважился идти со мной через чащу. Но вот жизненные ветра, дожди, морозы и вьюги потушили этот огонь, переломили древко. Я потерял ориентир и не знал, куда двигаться. Идущие со мной разбежались. А я, безрассудный, праздный пропойца-фонарщик, не смог этому противостоять.

*«Прошу вас, братия, будьте, как я, потому что и я, как вы»
Послание апостола Павла к Галатам, стих 4.12*

Справа от одноэтажных хозяйственных построек к воротам приближаются двое мужчин. Оба одеты в рабочие робы, на ногах сапоги. Представляются фермерами. Андрей – молодой человек лет двадцати семи – тридцати, среднего роста в очках, с глубоким прикусом и прыщами на лице, и Пётр – мужчина лет пятидесяти невысокого роста, жилистый, с выраженными скулами и надбровными дугами.

– Илья, – представляюсь и я, – вот, приехал к вам... на послушание.

– Нас не предупреждали, – в нерешительности отвечает Андрей, – сейчас позовём старшего брата Михаила, он тебя и выпустит.

Через некоторое время ворота открывает моложавый, подтянутый и хорошо сложенный парень, хотя в его волосах поблескивает седина, с необычайно весёлой манерой речи. Как выясняется, это старший брат Михаил, второй человек после настоятеля в ските. Он расспрашивает меня о цели поездки, сроке пребывания в монастыре и ведёт в общий барак. По дороге не разговариваем. Мне в голову опять лезут какие-то навязчивые мысли, одолевают сомнения. Пытаюсь припомнить, когда я в последний раз был в церкви на службе, и не могу.

Барак – небольшое кирпичное здание с общей трапезной, туалетом и душем, гостиной и несколькими комнатами, в которых как в матросских кубриках установлены двухъярусные койки. Глядя на них, на меня накатывают воспоминания о работе на судах во время учёбы в Речном училище. Романтика, как мне тогда казалось. Я пошёл в Речнягу, как любя называли училище курсанты, не по наставлению родителей, не от безысходности (к слову сказать, конкурс на место был очень высоким), не с целью заработать большие деньги, а именно за романтикой, конечно, начитавшись романов Жюль Верна, Сабатини, Стивенсона и прочих, а также посмотревшись фильмов про советских моряков. Мне хотелось свободы, поцелуев раскрепощённого ветра, синей

волны, новых стран и ещё раз, свободы! Быстро я понял, что работа эта, в первую очередь, тяжелая и однообразная. И что за романтикой следовало идти в другое место. Мысли мои прерывает брат Михаил, поторапливая. Быстро переодеваюсь, стелю белье, и вместе со всеми спешу в храм скита. Мне повезло, – я приехал аккуратно перед вечерним правилом.

Пока мы идём по тропинке, я смотрю по сторонам. Территория скита огромна и разделена на две части. В левой находятся жилые и хозяйственные постройки, огород, в центре возвышается деревянный храм иконы Божьей матери «Неупиваемая чаша», правая часть огорожена забором, за которым располагается ферма и пастбища для выгула коз и коров. Андрей и Пётр рассказывают мне, что в монастырском хозяйстве девять коров, одиннадцать коз, а также куры и кролики. Андрей и Пётр работают на ферме вдвоём, и ухаживают за живностью, уходя на работу ещё засветло, а возвращаясь только к вечернему правилу и ужину. Это их особое послушание, которое они несут отдельно от всех и на благо всей братии.

Мы подходим к храму. Я успел осмотреть его снаружи, и понимаю, что он относится к типу клетских храмов: построен из двух срубов (алтарь и храм), соединенных вместе и увенчанных одной главой с маковкой и крестом. Дорожка к храму по бокам усеяна пёстрыми синими, красными и жёлтыми цветами, они медленно кивают на ветру, словно приглашая пройти внутрь. А за храмом качают отяжелевшими от кудрей головами берёзы. Старший брат Михаил рассказывает мне особенности быта и послушания братии, наставляет:

– У нас в ските принято обращаться к послушникам с приставкой «брат». Ты для нас теперь брат Илья, а я для тебя брат Михаил. Хорошо?

Второй раз за день я улыбаюсь, утвердительно киваю. Мне всегда нравилось быть участником «сообщества», преследующего благие цели, частью чего-то общего, связанного важной идеей, будь то актёром в студенческом театре, игроком в футбольной команде, или членом мотоклуба. Может, родился я раньше лет на двадцать, вступил бы в комсомол, но Бог отвёл.

Крестимся, входим в церковь. Улавливаю благоухание смолянистого дерева, если бы не примешивающиеся к нему запахи

воска и ладана, пахло бы как в русской бане. Закрыв глаза, глубоко вдыхаю церковный воздух несколько раз, стараясь запомнить это ощущение. Во рту остаётся сладкий привкус. Братия прикладывается к иконам, зажигает свечи и лампы, готовится к службе. Один из послушников звонит благовест (звонница закреплена на крыльце церкви), возвещая о её начале. Вечерню читает брат Михаил с братом Петром. Усиленно вслушиваюсь в мерное спокойное течение их голосов, пытаюсь запомнить.

«Радуйся, Владычице, Неупиваемая Чаша, духовную жажду нашу утоляющая!», – брат Михаил рефреном поёт окончание икоса акафиста молитвы ко Пресвятой Богородице ради чудотворной её иконы. Значит служба подходит к концу. Пытаюсь подпеть сначала шёпотом, неловко оглядываясь на братьев, потом громче, и наконец пою вместе со всеми в голос... Слезы льются из глаз, дыхание спёрто, но боль в душе растворяется и вылетает с каждым выдохом. Кажется, выдыхаешь изнутри чёрный дым, а вдыхаешь белый, церковный, ладановый. Чувствую острое биение жизни, родство с окружающим миром, как будто среди бескрайней пустыни распахнул в себе двери Ноева ковчега. Наверно, это катарсис... В конце службы мы прикладываемся к иконе, делаем земные поклоны и братаемся со словами: «Прости меня грешного! Бог простит! И я прощаю! И ты меня прости!»

Брат Михаил звонит трезвон, и закрывает храм. Братия возвращается к бараку. Иду по тропинке рядом с Иваном – мужчиной лет пятидесяти – пятидесяти пяти лет, гладко выбритым, с собранными в хвост волосами до плеч. Он прихрамывает на одну ногу и опирается на клюшку. Спрашиваю его:

– Вы впервые здесь?

– Впервые и навсегда, – коротко отвечает брат Иван.

– Навсегда, это до конца жизни? – не унимаюсь я. Он фыркает и отворачивается. Мне казалось, я задаю необидные, обычные для знакомства вопросы. Его реакция мне непонятна. Что его мучает? Какое прошлое не оставляет его? Как он попал сюда? Брат Иван хранит молчание, и за всё время моего пребывания в ските больше мне ничего не говорит.

*«Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены»
Книга пророка Исайи, стих 7.9*

Звон церковного колокольчика призывает братию собраться на ужин, а вернее на вечернюю трапезу. Стараясь не привлекать излишнего внимания, иду в конце. Братья рассказали мне, что обязательная общая трапеза – это одно из ряда строгих правил, которые издревле составляли основу порядка в монастырях. Нельзя опаздывать на трапезу. Пища всей братии полагается одинаковой и в равных количествах. Разговоры во время трапезы запрещены и наказуемы. Также не полагается просить добавки, или выносить еду со стола. Ничего сложного, но мне, за последние годы привыкшему к попойкам в рюмочных и случайному перекусу, становится страшно за своё возможное неблагоприятное поведение. В некоторых монастырях за нарушение правил трапезы могут наказать епитимией. Не знаю, какое конкретно наказание можно получить в ските (об этом мне, почему-то, не сообщили), но, уверен, радости мне это не доставит. Всегда устраивается две одновременные трапезы. За первой едят послушники с настоятелем, за второй едят чтец и послушники, работающие на кухне: повар, чашник. Немошные или больные послушники едят в своих комнатах, им приносят еду.

Мы входим в трапезную, которая через перегородку соединена с кухней. Тяжело привалившись к стене, паровозом пышет русская печь. В воздухе пластами лежит особенный деревенский аромат приготовленной пищи. Я поддаюсь воспоминаниям, которые уводят меня в детство, проведённое в деревне. Мелкий секущий дождик за окнами деревянного дома, с раскатами грома расходящийся в ливень. Запах свежескошенной травы из открытой форточки. Тепло от печки. Бабушкины вязанные носки. Чай с мятой и свежеиспеченными пирогами. Книжки с рисунками. Выставку таких картин устраивает моя память. Хочется забраться на печь, и погрузиться в беззаботный и глубокий сон. Но спать ещё рано.

На столах в трапезной уже стоит хлеб, солонки, соусы, мёд, посуда. Настоятель ещё не вернулся в монастырь из рабочей

поездки, поэтому молитву «Отче наш» начинает старший брат Михаил, все тут же подхватывают. Я тоже читаю вслух с братией, эту молитву я знаю наизусть с малых лет. Затем брат Михаил читает иисусову молитву и заканчивает словами «Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим, яко Свят еси, всегда, ныне и присно, и во веки веков». Он благословляет крестным знаменем трапезу, после чего все садятся за столы, и лишь брат Николай встаёт к аналою и открывает книгу. Брат Николай чтец, во время трапезы он читает житие святых, а сам принимает пищу за второй трапезой. Брат Михаил благословляет чтение житий святых, брат Николай отвечает ему: «Аминь», и начинает читать. Брат Михаил благословляет трапезу, звонит в колокольчик, и только после этого все начинают принимать пищу. Стыдно признаться, но первая мысль, которая приходит ко мне, – аналогия с домашним ужином перед экраном телевизора. Глупо, конечно. Обычай молча есть и внимательно слушать чтеца за трапезой издавна существует во всех монастырях для того, чтобы послушники и во время еды не забывали о Боге и принимали пищу как дары Божьи, а не праздное чревоугодие. Сегодня подают гороховую похлебку и рожки с грибной подливой. Пост. По мне очень вкусно, учитывая, что дома я мог ограничиться за день «бэпэшкой» и подгнившим яблоком. Трапеза, как и начиналась, так и заканчивается совместно. Никто, доев, не встает из-за стола. Братия дожидается последнего, и лишь с позволения настоятеля (старшего) вместе заканчивает трапезу. Этим последним оказался я. Мне неловко, я спешно допиваю чай, отставляю стакан. Брат Михаил, убедившись, что никто не ест, звонит в колокольчик, тем самым возвещая об окончании трапезы и позволяя встать из-за стола. Мы читаем благодарственную молитву.

После вечерней трапезы у послушников свободное время.

* * *

Я остаюсь в гостиной – зале, в которую выходят двери спальных комнат и душевой. Один угол гостиной занят стеллажами с православной литературой. В центре на тумбе стоит аквариум с золотыми рыбками, рядом аналой с православным календарём, к свободным от дверных проёмов стенам приставлены старые, советских времён, кресла. Тщетно пытаюсь найти в библиотеке классику русской литературы, всё её содержание – Закон Божий,

евангелие, житие святых, иные православные книги, журналы и газеты. Очевидно, в монастыре не положено читать праздную литературу, а тем более слушать радио или смотреть телевизор. Коротая время до отбоя чтением православного журнала «Фома». Благо, одна из его рубрик, собственно, «литература», в которой представлены неплохие рассказы.

Около десяти вечера приехал настоятель скита – Отец Иосиф. Я встаю с кресла, иду навстречу к нему. Жмём друг другу руки, здороваемся, знакомимся. Он сразу расспрашивает меня о том, кто я, откуда и отчего напросился в монастырь.

– Из Нижнего к вам приехал, на автобусе, – я переминаюсь с ноги на ногу, чешу затылок (есть у меня нехорошая привычка, волнуясь, чесать затылок), – вот, потрудиться.

– А о ските как узнал, – Отец Иосиф, видя моё замешательство, старается помочь.

– Так, мать нашла в интернете... Вот, – слова будто липнут к нёбу и не произносятся, – предложила поехать, я согласился.

– Семья, дети есть? Чем раньше занимался? Что тебя тревожит? – настоятель слушает внимательно, не перебивает, и лишь когда я выдерживаю особенно длинную паузу, задаёт вопросы.

– В разводе я, батюшка, детей не было у нас, – у меня перехватывает горло, но я продолжаю, – учился, как все, в школе. Затем в НРУ поступил. Можно я Вас батюшкой называть буду?

– Можно, Илья, – настоятель на секунду отводит взгляд, о чём-то задумывается, не сразу спрашивает. – Куда поступил?

– В Нижегородское Речное Училище, слышали о нём?

Отец Иосиф молча кивает, жестом просит рассказывать дальше.

– Ну вот, поступил в Речное на судомеханика. Весёлое было время, если не лучшее в жизни. Потом в навигации пару раз походил, понял, что не для меня это. Ну не могу я по полгода на железной банке запертым в компании малознакомых и часто неприятных людей плавать, то есть ходить, как у нас принято говорить. Меня к друзьям тянуло, домой. Кроме того, в последней навигации такой капитан попался, как бы это помягче сказать... властолюбивый, самодур. В общем, как-то на рейде я с ним разругался, вещи собрал, спустил шлюпку самовольно, и на берег.

А потом этим же днём в судовую компанию, и прощайте! С тех пор я на судах не появлялся. Но к механизмам тянуло. Поэтому поступил в Политех на автомобильный. Выучился. Потом механиком работал. Я опускаю глаза и рассматриваю ногти на своих руках, не зная, что ещё сказать. Блин, надо было подстричь. Отец Иосиф помогает:

– А где работал?

– Да где я только не работал. И в автосервисе, и на заводах. А когда с машиностроительного уволился, тогда уже пить сильно начал. Перебивался как мог: и грузчиком на рынке, и сторожем, и дворником. А когда совсем немоготу было, даже на ЯМАЛ уезжал, там на вахте вкалывал механиком-водителем.

– Пьёшь, значит, Илья – настоящий смотрит пристально и спокойно, – зелёным змием повержен.

– Пью, батюшка, чего скрывать, – я виновато опускаю глаза. Кажется, всё моё лицо полыхает огнём.

– А сюда чего приехал, – Отец Иосиф заглядывает мне в глаза, – от демона бежишь? А может от полиции, или бандитов?

– Не от полиции батюшка, не от бандитов, – я мотаю головой, протягивая к нему руки. – Наверно, от демона. А скорее всего от себя.

– От себя не убежишь, – он берёт мои руки, бережно складывает у меня на груди.

– Знаю, – отвечаю я, и невольно добавляю, – батюшка, кажется, я утратил в себе Бога.

– Ты в церковь-то ходишь? – хмурится Отец Иосиф. – Исповедуешься?

– Исповедовался давно, – я начинаю нервничать от пронзительного взгляда отца Иосифа, который, кажется, рассматривает саму душу, – раньше в церковь не очень любил ходить.

– Отчего же?

– Как-то неловко было обряды церковные исполнять, поклоны бить, петь со всеми. Если заходил в храм, просто хотелось мысленно выговориться перед Богом, а тут тебя обязательно какая-нибудь бабка обругает: стоишь не там, свечи неправильно ставишь, к иконам не так прикладываешься. Как-то раз исповедаться хотел, а батюшка перед принятием исповеди открыто нахамил, и вёл себя в

церкви как барин, мягко говоря, не по-христиански, – я с опаской смотрю на настоятеля (не сказал ли чего лишнего).

– Да, такое случается, – на высоком лбу Отца Иосифа появляются морщины, – мне и самому порой не нравится то, как иногда встречают людей в храме. Это оттого, что некоторые утрачивают чувство святости церкви, и начинают относиться к ней как к обыденности, – Отец Иосиф садится в кресло, предлагая мне сесть напротив, – все люди грешны, ведь и священнослужители тоже грешат и также исповедуются. Надо помнить, Илья, что, идя в церковь, ты идёшь в дом Божий, а не в гости к настоятелю. Кроме Бога хозяев в церкви нет.

Я сажусь в кресло и мне становится легче. Кажется, настоятель и сам не прочь подискутировать.

– Я понимаю это, батюшка. Но знаете, – силясь подобрать нужные слова, я снова чешу затылок, – сейчас так много фарисейства, фанатизма и... пафосного патриотизма. Вчерашние истые коммунисты с таким же ожесточённым рвением защищают православие, не всегда до конца понимая смысл святого писания. Патриотизм тоже опошлили, сделали показательным. Конечно, само по себе это высокое чувство: любовь к своей родине, своей земле, своему народу. Но если ты кричишь об этом на каждом углу, вывешиваешь знамёна, а сам при этом гадишь там, где живёшь, ненавидишь соседей, и сваливаешь при малейшей возможности за бугор, это действительно пошло, – видя, что Отец Иосиф не останавливает меня, продолжаю, – и хуже, что теперь этот псевдопатриотизм примешивают к церкви. Я считаю, в наше время нужно различать понятия веры и церкви. Так как церковь стала одним из институтов государственной власти, инструментом для порабощения и оболванивая народа. Строительство новых храмов и навязываемая проповедь не могут привести людей к святости.

Я возбуждён и уже сожалею о высказанном в сердцах своём мнении. Жду, что Отец Иосиф резко ответит мне, но, как ни странно, его реакция иная. Он, поджав губы, понимающе кивает и говорит:

– Многие из приходивших сюда проходили через это сомнение, Илья. Вера и сомнения всегда оказываются рядом. Сомнение в вере происходит из-за разлада с самим собой, недостатка твёрдых и ясных убеждений. Я смотрю, ты любишь

читать. А, знаешь, что говорил об этом великий писатель и мудрец Фёдор Михайлович Достоевский в своём предсмертном дневнике в ответ на его травлю? – На этот вопрос отец Иосиф не ждёт ответа и задаёт его скорее для создания паузы в разговоре, и сам же отвечает на него цитатой, – «Не как дурак же, фанатик, я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием! Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицания, которое перешёл я!»

Я в ответ одобрительно киваю, мне нравится Достоевский и нравится, что Отец Иосиф ссылается на него. Настоятель продолжает:

– Для человека мыслящего, ищущего истину, свойственно сомневаться, но он не оставляет попыток и в итоге преодолевает свое сомнение и неверие. Христианин во всём полагается на Бога, ведь он является единственным ориентиром среди сомнений, его поддержкой среди безверия и хулы. Относительно фарисейства я могу тебе сказать, Илья, что оно всегда рождается из самолюбия, желания быть выше других. Фарисеи, как и фанатики, как ты изволил выразиться, в современном понимании – это люди, страдающие религиозным лицемерием. Оно может дойти даже до жажды уничтожения инакомыслящих. А всё от нелюбви к ближним, нежелании прощать их. Мы все, в какой-то мере, самолюбивы и тщеславны, и лицемерие сидит в каждом из нас. Однако покаянием и молитвой нужно бороться с ним.

Настоятель откидывается в кресле, желая, видимо, окончить разговор. Но я, преодолевая смущение, высказываю своё мнение:

– Спасибо, батюшка, за столь подробное объяснение, но... я думаю, что вера в человеке существует независимо от церкви. Человек сам является вместилищем Бога, его частью, его храмом. В этом смысле можно молиться Богу напрямую, внутри себя: хоть дома, хоть на улице, хоть у речки. Разве я не прав?

– Не совсем, Илья, – Отец Иосиф вновь наклоняется ко мне ближе, – человек носит веру в своём сердце и может, даже должен возносить молитвы к Богу и вне церкви. Но, когда мы идём в церковь на совместную службу, мы сами становимся Церковью Божией, что делает нас живым телом Христовым. Ты знал, что с греческого само слово «Церковь» означает «собрание», а литургия в переводе «общее дело». Поэтому литургия – больше чем

совместная молитва, она означает общее действие, в котором каждый: и священники, и прихожане являются служителями. Такое собрание необходимо для того, чтобы каждый из нас в вечности соединился с Богом и через Бога соединился друг с другом, оно и делает людей Церковью.

– В последнее время я прихожу в храм на литургию. Не часто, но всё же... Прихожу туда не к людям, но к Богу. Ищу его. Поэтому и сюда приехал.

– Хорошо! – отец Иосиф впервые широко улыбается, – тогда поживи с нами, Илья, помолись. Можешь недельки на две остаться, а если понравится, оставайся, сколько захочешь!

– Спасибо, батюшка!

Мы желаем друг другу спокойной ночи. Настоятель уходит. Настенные часы начинают двенадцатый круг, значит, мы проговорили больше часа, а, казалось, прошло не больше пятнадцати минут. Братия уже спит. Тишину в гостиной нарушает только тиканье часов и бульканье аквариумного компрессора. Я вновь берусь за журнал, но строчки слипаются, предложения приходится перечитывать по два раза. Волнами накатывает сонливость. Я забираюсь в постель, и впервые за последние десять дней засыпаю здоровым и глубоким сном.

*«Разве не знаете, что вы храм Божий,
и Дух Божий живет в вас?»
Послание апостола Павла к Коринфянам, стих 3.16*

В шесть часов утра церковный колокольчик выдергивает меня из сна. Одеваюсь, приветствую братьев. После утреннего туалета также по колокольчику братия собирается на утреннюю трапезу. Молимся. Сегодня на завтрак манная каша и чай. В трапезной, как и вчера, пахнет домашней едой, теплом и уютом. Через полчаса выходим на послушание, назначенное братом Михаилом. Мне, отвыкшему от физической работы, выпало сравнивать газон перед домом, проще говоря копать и бросать землю с одного места на другое, что не может радовать. К тому же, погода капризная. Ветер мечется в поисках нужного направления, поднимая с земли мелкую пыль и создавая микроторнадо. По небу плывут, то и дело закрывая далёкое солнце, похожие на ламантинов тяжёлые тучи и своими полными синими животами задевают за верхушки деревьев, местами проливаясь холодным дождём.

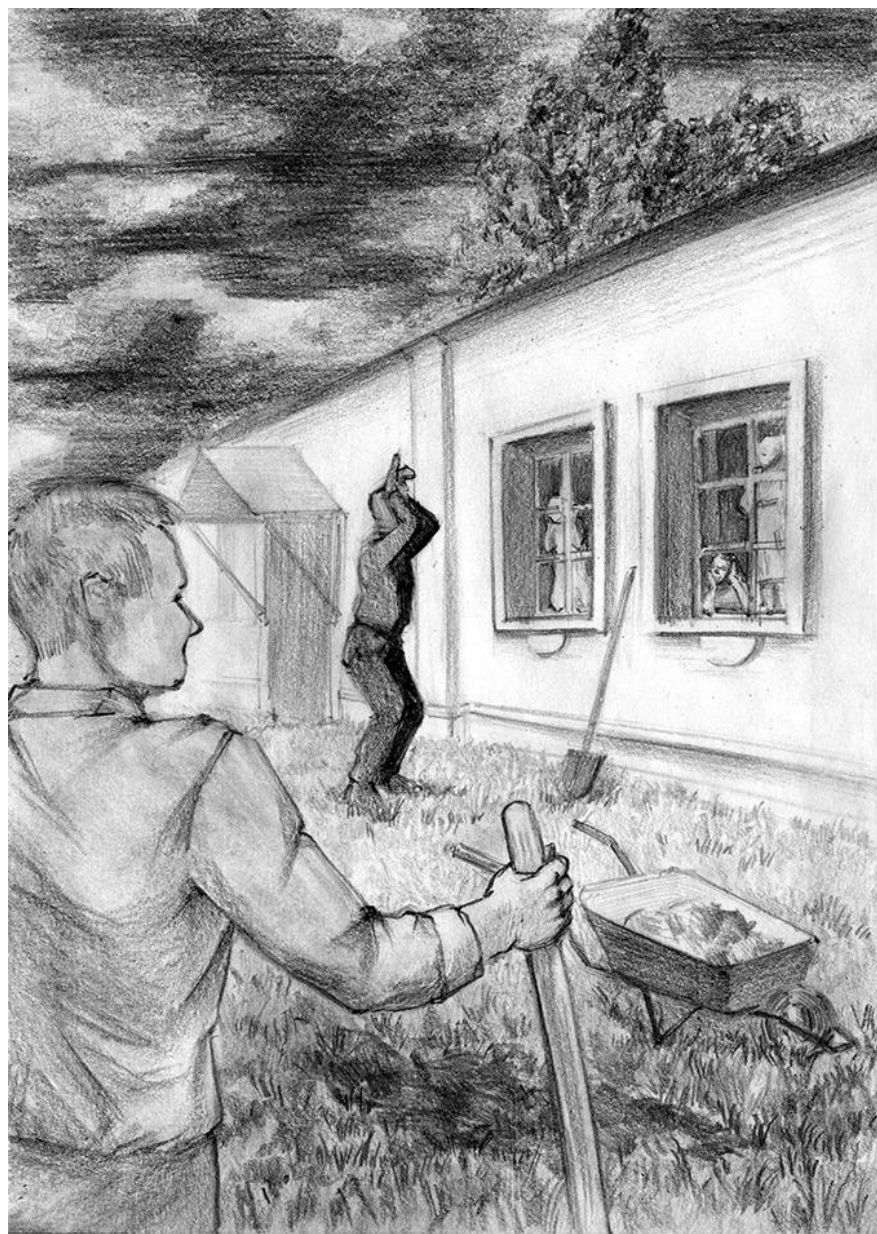
...Вместе со мной на послушании отправили брата Павла. Ему, как я выяснил, в этом году исполняется сорок лет, но я при встрече дал ему около пятидесяти: лицо его серое и немолодое, волос затронут сединой. Руки тонкие, как черенок лопаты, которую он держит. Мы работаем напротив окон небольшой комнаты барака, в которой живут дети Отца Иосифа. Отец Иосиф многодетный отец, но при этом он успевает заботиться как о своей семье, так и о братии. Любовь искреннего добродушного человека безгранична. Его маленькие дочки-близняшки играют на подоконнике, пытаюсь отвлечь нас от работы. Лицо брата Павла осеняет улыбка. Вначале он беззлобно поддразнивает детей, а затем подходит к окну и начинает читать им стихи Чуковского:

«Замяукали котятя:

«Надоело нам мяукать!

Мы хотим, как поросята,

Хрюкать!»

Девчонки с интересом прилипают ручками к окну и, распахнув невинные голубые глаза, внимательно следят за рассказчиком. Брат Павел продолжает:

«А за ними и утята:
«Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Рассказывая, он показывает жестами этих животных, отчего дети смеются и пытаются передразнить рассказчика:

«Свинки замыкали:
Мяу, мяу!»
«Мяу, мяу, мяу, мяу», - отвечают дети.
«Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!»

Девчонки заливаются раскатистым смехом и прыгивают с подоконника в комнату. Брат Павел тоже по-доброму смеётся, видно, что он любит детей, испытывает к ним отеческое чувство. Дети, в свою очередь, тоже тянутся к нему...

Работа есть работа. Берёшь лопату, вгоняешь её в землю, которая местами как свежеиспечённый хлеб, а местами как гудрон, отрываешь от неё кусок с мясом и бросаешь на другую, а, впрочем, точно такую же землю. Не можешь далеко бросать, – берёшь тележку, складываешь в неё плоть земли и отвозишь куда надо. Строишь на раны, нанесённые тобой земле, на кровоточащее её тело, и ошеломлённо думаешь: «не причиняю ли я боль земле. Вдруг она чувствует. Хотя, вряд ли. Тогда б, наверно, человек не стал её перепаживать, взрывать и рыть в ней могилы».

Дочки-близняшки Отца Иосифа, а вместе с ними и другие его дети вновь отвлекают брата Павла от работы и просят его ещё почитать стихи. Он не отказывает, бросает лопату и продолжает спектакль:

«Только зайныка
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал –
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал

И зверюшек неразумных
Уговаривал».

Дети повторяют за ним, ставят ручками ушки как у зайчика, строят смешные безобидные рожицы, смеются и прекрасно проводят время. Мне не жалко, только вот мы на послушании, а одному накидывать и таскать садовую телегу непросто. К тому же заедает гнус, я то и дело стряхиваю с ёжика на своей голове горсти комаров. Я окликаю брата Павла, мы снова и снова нагружаем тележку плотью земли, везём её и возвращаем обратно, на местности пониже. Прости земля! Считай, что мы косметологи, или пластические хирурги.

– Послушай, брат Павел, – спрашиваю я в перерыве, – а своих детей у тебя сколько?

– Своих-то, – он внезапно мрачнеет и не сразу отвечает, – своих-то у меня нет, и не было никогда.

– Прости... А почему?

– Жена никогда не хотела. А я настаивать, наверно, не умею, – брат Павел отходит на отдаление от меня, и с усилием втыкает лопату в сырую землю. Мы молчим. Погода своенравная. Ветер усилился. Нас то и дело осыпает кратковременным, но от этого не менее холодным дождём. И вот дождь расходится и превращается в яростный ливень. Резко пахнет только что перекопанной нами землёй и травой. В шуме дождя нам сложно говорить, и приходится повышать голос до крика. Мы моментально промокаем до нитки и, приставив инструменты и тележку к стене здания, бежим в барак. Пережидаем в сених.

– Господь перерыв нам устроил, – говорит брат Павел, – передохни!

Я отвечаю ему кивком и вглядываюсь вдаль, прислонившись к дверному косяку. Мне радостно. Не оттого, что Господь устроил нам перерыв в послушании, как говорит брат Павел. Я люблю дождь с детства. В селе маленьким мальчиком я выходил в болоньевой куртке и резиновых сапожках на дорогу под дождь и смотрел, как он, разбиваясь об асфальтовое покрытие, превращается в струи ручейков, потоки воды, по которым хочется пуститься маленьким корабликом. Я долго стоял тогда под дождём и думал, теперь уже не помню о чём. О чём может думать маленький мальчик, глядя на дождь?! А сейчас я думаю, что жизнь

можно сравнить с дождём: подаренная Богом, упавшая с неба и начавшаяся маленьким ручейком, она может превратиться в бурный поток, а может вскоре остановиться, закопаться в дорожной пыли, привалившись к стоящему на обочине камню... Дождь исцеляет, я действительно так чувствую, и когда я понял это, мне хотелось как можно больше бывать под дождём, впитывать его в себя. Кто-то считает, что целебная сила дождя заключается в самой дождевой воде, будто при прохождении через воздух происходит ионизация, приобретение капельками воды отрицательных зарядов, которые и обладают целебными свойствами. Купайся в дождевой воде, пей её и не будешь болеть (при нашей-то экологической обстановке). Я не знаю, так ли это, но думаю, что целебная сила дождя, в первую очередь, направлена к душе человека. Дождь способен снять тоску и тревогу, пусть на время, но успокоить даже сильную душевную боль. Недаром издревле наши предки связывали дождь с божественной силой. В особенных, святых местах дождь бывает благодатным, под таким дождём можно исповедаться и буквально причаститься. Такой дождь нужно пропускать через себя, чтобы небесное молоко струилось из твоего тела, и Божьей милостью вымывало всю черноту из души, оставляя её чистой как крещенскую рубаху.

Мои размышления прерывает брат Павел:

– Надолго здесь, Илья?

– Не знаю, Паша, – мы как-то незаметно избавились в разговоре от принятой в ските приставки к имени «брат», – на недельку, может на две.

– Мало недельку, – он вытирает лицо платком, – недельки на две оставайся хотя бы.

– Угу, – я ёжусь от внезапно охватившего меня озноба.

– Зачем ты вообще в скит приехал? – он убирает платок в карман рабочей куртки и поворачивается ко мне.

– Уйти от мирской суеты, как и все, наверно, – пытаюсь отмахнуться я, но брат Павел ждёт развернутого ответа. Я додумываю, – побыть наедине с Богом. Мне кажется, что я утратил его в себе. А ты сам тут давно? Надолго?

– Считаю, месяц будет, – брат Павел переводит взгляд на церковь, – надолго ли, не знаю. Пока остаюсь.

– Что тебя гложет?

– Ууух, – брат Павел громко выдыхает. Видно, что он сомневается, рассказывать мне что-то или нет. Я не встречаю. Наконец, он решается – от наркоты здесь скрываюсь, до скита терапию в наркодиспансере прошёл. Раньше я по месяцам под кайфом был. Где я это время шлялся, один чёрт знает. По сомнительным квартирам каким-то, притонам, бомжатникам, среди таких же нариков, пропойц, шлюх, бомжей, бандитов. Деньги, конечно, веером рассыпал. Воровал. Из дома нёс, один раз даже чуть кольцо обручальное в ломбард не заложил. В смысле, заложил бы, если б нашёл. Жена кольцо где-то спрятала в квартире. Когда нужна очередная доза, никаких запретов для тебя не существует. Всё верх дном перевернул, чтобы найти этот «кусочек золота» и сдать. Не нашёл... Короче, наломал я дров. На перо не налетел только по счастливой случайности. Теперь знаю, только Бог и отвёл от тюрьмы и от смерти. Жена настрадалась со мной, бедняжка. На время загулов у мамы, у подружек жила. Искала меня всюду, чаще не находила. Сколько слёз пролила, сколько я ей нервы трепал. Ты понимаешь, что это такое?

Брат Павел осекается, всхлипывает и, отворачиваясь, смотрит на улицу. Я отвечаю:

– Понимаю... К сожалению. Я сам алкоголик.

– Да? – он немного успокаивается, – выпить, небось, хочется?

– Ужас, как хочется! – при воспоминании о выпивке рот у меня наполняется слюной, язык распухает, в животе урчит и в ушах, как в морских раковинах, появляется шум, который, усиливаясь, превращается в лай бешеных псов... церберов. В лае этом отчетливо слышно только одно слово: «Выпей, выпей, выпей!» Я стараюсь думать о чём-то другом, заглушить своими мыслями этот ужасный лай.

– И жена у меня была...

– Была?

– Да, была. Сейчас мы в разводе. С тех пор я бухаю. Сначала выпивал как все: на выходных в компании, потом и по будням стал закладывать. Начались скандалы с женой. Потом с работы попросили. Однажды я проснулся в очередной раз с дикого похмелья, а её нет: собрала вещи и уехала.

– А ты что, не смог её вернуть?

– Нет. Да и не пытался, – я морщусь, на этот раз от внезапно прострелившей зубной боли. К стоматологу я не обращался давненько, – попойки мои продолжались. Я научился пить один и пить с утра, пить «Трояр» и пить одеколон, валяться на остановках и валяться в подъездах. В общем, история не нова.

– А дети у вас есть? – не унимается он.

– Нет, Бог миловал. Твоя-то, Паша, жена сейчас где? – стараясь закончить рассказ о себе, спрашиваю я, – Знает, что ты здесь?

– Жена дома сейчас. Она меня сюда и собрала, помирились, вроде, – брат Павел выдавливая улыбку, – но говорит: «Терпеть тебя нет больше сил!». Вот я в скит и приехал: от наркотической зависимости окончательно вылечиться, да в молитвах грехи свои многочисленные замаливать.

– Видно, она тебя и вправду любит, – говорю я без иронии. Мне хочется поддержать Пашу, но не верится, что от наркотической зависимости можно вылечиться в монастыре без квалифицированной помощи. – Моя, как уехала, ни разу и не позвонила, даже с днюхой не поздравила. Она больше любила свою карьеру и дорогие шмотки. Ну а когда ты к жене вернёшься?

– Срок она мне не устанавливала, да и как здесь отмеришь, не в отпуск же едешь. Денег жене я на житье-бытье оставил, всё что было, – брат Павел вздыхает, – она всё равно меня другим ждёт по возвращении. Верю, Бог мне восточку пошлёт, когда я буду готов в мир вернуться. Можно вместе бороться, конечно, но потом. Сейчас для меня в миру соблазнов много, пока я ещё духом слаб.

– А любовь?

– Любовь к жене меня от наркоты и спасла. Понимаешь, Илья, – брат Павел прижимает ладони к груди, разгораясь как спичка – я только здесь понял, что такое настоящая любовь, любовь от Бога. Это ведь не только чувства нежные и страсть, а, в первую очередь, единство целей и взглядов на жизнь, совместное стремление к Богу. Если будущее видится супругам по-разному, если у них цель не семью крепкую создать и детей вырастить и воспитать правильно, а удовлетворить свои личные амбиции, свои желания и страсти, значит не любовь это вовсе, а ошибка молодости.

– Ты прав. Но ты говоришь о любви к женщине, то есть к противоположному полу. Грубо говоря, о плотской любви, – Паша лишь немного приподнимает брови, – ведь есть ещё и любовь общечеловеческая, – поясняю я, – любовь к ближнему, которая не требует выполнения супружеского долга, воспитания детей и прочее.

– Ну да, любовь вообще бескорытна, если она от Бога. Ты любишь человека всем сердцем и душой, всем своим существом, как Бога в себе, не требуя чего-то взамен.

– А как ты считаешь, любовь к ближнему сильнее персонифицированной любви к женщине? Или наоборот?

– Не знаю... – брат Павел задумывается, – «персонифицированная любовь» вообще звучит как-то нелепо.

Какое-то время мы молчим и просто смотрим в дверной проём. Потом он, будто спохватившись, ставит точку в нашем диалоге:

– Вот вылечусь окончательно, исправлюсь и вернусь к жене. Чтобы любить! И, дай Бог, всё у нас ещё получится!

...Дождь стихает. Видно, как он тяжело, по-царски, уходит к лесу, волоча за собой серую мантию. Я смотрю на часы «Ракета», доставшиеся мне от покойного дедушки. Что-то человеческое во мне ещё осталось, раз я не пропил их. Стрелки подходят к двенадцати. Нужно убирать инструменты и готовиться к обеду. Когда я закрываю сарай ко мне подходит неприятного вида мужчина. На вид ему за пятьдесят. Он не ухожен: не выбрит и лохмат, ногти на руках не подстрижены.

– Здорóво, – бросает он издали, – батрачишь?

– ...Тружусь, – опешив, отвечаю я.

– Я только сегодня прибыл. Новый послушник, вроде, – мужчина ухмыляется и прищуривает левый глаз. Во рту он мусолит спичку и цыкает зубом. Мне он кажется похожим на горьковского персонажа с Миллиошки. – Не знаешь, чем тут разжиться можно?

– В смысле... Разжиться? – недоумеваю я, – сюда не за этим приходят. Ты разве не знаешь?

– Ну да, ну да. А ты, значит, газоны батюшке пришёл ровнять?

«Спокойно. Спокойно. Глубокий вдох и медленный выдох... – говорю я мысленно себе. – Здесь у каждого своё послушание. Тебе оно тоже предстоит. Вся трудятся на благо братии».

– Ага, – скептически отвечает он. – Кстати, не знаешь, почему у настоятеля дети имеются. Он ведь, вроде как, монах?

– Слышал, что Отец Иосиф в монастырь ушёл после смерти жены. С детьми на руках, – я не реагирую на его провокацию. – Что же ему их надо было в детский дом отдать? Тебе какое дело вообще?

– Да так... Интересуюсь просто.

Новый трудник вразвалку уходит в сторону барака, держа руки в карманах. Я сверлю его спину. После разговора с ним на душе неспокойно. Остаётся ощущение опасности и тревоги. «Ладно, – успокаиваю я себя, – Господь не просто так посылает плохого для нас человека, а для того, чтобы мы, глядя на него, старались быть другими. Может и мы для кого-то плохи, и посылаемся Богом другим людям для исправления».

*«Легко для Господа – в день смерти
воздать человеку по делам его»*

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, стих 11.26

Перед обедом, чтобы не опаздывать к началу трапезы, братия собирается в гостиной, за исключением братьев Матвея и Ивана, которые несут послушание на кухне. Все, включая меня, изрядно проголодались за время работ на свежем воздухе. Брат Павел бездумно разглядывает православный календарь на стене, сцепив руки за спиной. Брат Сергей перелистывает газету «Ведомости Нижегородской митрополии», явно не стараясь там что-нибудь вычитать. Я читаю какую-то книгу о загробной жизни. Все ждут только одного – звона церковного колокольчика из рук брата Михаила.

– Не знаю, чего они там без Марфы наварили, – нарушает тишину брат Сергей, мужчина средних лет, простой и добродушный в общении и быту человек, – небось, картошки в мундире, – говорит он с лёгкой иронией, без укора.

– Не переживай, наешься от пуза, – подыгрывает ему брат Михаил и хлопает по плечу, – брат Иван у нас тоже повар отличный. Не хуже Марфы супы да запеканки делает.

– А кто это, Марфа? – спрашиваю я, так как впервые слышу это имя.

– Марфа, это наша повариха, – отвечает брат Михаил, – несколько лет назад из монастыря в скит попросилась, никого у неё в миру из семьи не осталось, да так и живёт. Хорошая женщина, добрая, бескорыстная. Приедет, сам увидишь.

– Так она уехала, – только сейчас понимаю я, – а куда?

– В другую обитель, с паломниками на несколько дней. К иконе матушки Матроны приложиться, – брат Михаил смотрит на настенные часы, – пойду, посмотрю, готово ли у них там.

Он подходит к двери в тот момент, когда она открывается перед ним. На пороге стоит настоятель. Вид его мрачен настолько, что брат Михаил отходит на шаг в замешательстве. Все поворачиваются к Отцу Иосифу и молча ждут, что он скажет.

– Марфа погибла, – бросает фразу Отец Иосиф, как камень на пол гостинной. Первое время братия ошеломлённо молчит.

– Как... – выдавливает брат Михаил, – только о ней вспоминали.

– Автокатастрофа. Самому рассказали по телефону из полиции, – настоятель не прячет выступивших слёз, – в их микроавтобус легковушка со встречной полосы влетела прямо в правую сторону. А Марфа спереди сидела, погибла на месте. Остальных госпитализировали.

– О, Боже, да как же это!

– Жалко-то как! Марфа божий человек была, козявки не обидит, последний кусок отдаст.

– И ведь, помню, ехать не хотела, как чувствовала! – со всех сторон раздаются причитания.

– А всё из-за спешки. Если бы эти водители не гоняли, как сумасшедшие...

– Тихо! – криком обрывает их Отец Иосиф, но тут же остывает и мягко добавляет, – мне тоже горько. Но нельзя поддаваться унынию, – это грех! Каждому определена своя кончина. Так случилось, что у Марфы кончина особая, можно сказать мученическая. Некого тут винить, некого осуждать. Остается только просить у Господа, чтобы он по милости своей не лишил рабу божию Марфу небесной обители. Наша церковь больше всего заботится, чтобы человек не забывал о вечности. Это главное, потому что все мы покинем этот мир. Марфа была добрая женщина. Она старалась не для себя, а для других сделать всё, что было в её силах. Многие сейчас стремятся к удобствам жизни, накопительству и излишествам, к красоте внешней жизни, забывая о красоте своей души. Марфа такой не была, верю, Господь её любил, поэтому и забрал. Не забывайте, что перед всеми нами вечность. Каждый подвержен опасности в этом мире, но с верой, с молитвой, с любовью к Богу человеку не страшно, – говорит Отец Иосиф, заглядывая каждому в глаза, – братья, нужно помолиться за новопреставленную рабу божию Марфу, чтобы Господь простил ей все согрешения вольные и невольные. А после обеда все вместе пойдём в церковь служить панихиду.

«Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечнаго новопреставленной рабы Твоей Марфы, – братия читает

молитву об усопшей, я как могу пытаюсь вторить, – ...и Тебе славу возсылаем, со безначальным Твоим Отцем и с Пресвятым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь».

Слово «аминь» повисает в пространстве гостиной распятием, разрубает ленту времени на «до» и «после». Набатным колоколом звенит маленький колокольчик в руках у брата Михаила. После обеда братия освобождается от послушания, и весь монастырь участвует в панихиде по новопреставленной рабе Божией Марфе.

*«Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об
одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти
праведниках, не имеющих нужды в покаянии»
Евангелие от Луки, стих 15.7*

Остаток дня после службы братия проводит в молчании. Большинство хорошо знали повариху Марфу и уважали её, поэтому, несмотря на наказ Отца Иосифа не поддаваться унынию, все подавлены и молчаливы. Мне тоже передаётся общее угнетённое состояние, хотя я совсем не знал Марфу. Спать не хочется и я, не придумав ничего лучше, вновь зачитываюсь в гостиной под привычное бульканье аквариума и тиканье часов.

На соседнее кресло садится брат Матвей, худой высокий мужчина с обветренным волевым лицом, скулами и носом, выдающим в нём уроженца южного региона. Его аккуратно зачёсанные назад волосы почти полностью седые, но по оставшимся не затронутым сединой волосам, видно, что брат Матвей был брюнетом. Он смотрит на меня несколько исподлобья, взгляд его строг и печален.

– Что читаешь? – он первым нарушает молчание.

– Да, что здесь читать?! – я окидываю взглядом полки с православной литературой.

– Ну, да, ну да, – задумчиво соглашается брат Матвей, – а что ты любишь?

– Достоевский, Чехов, Булгаков, – отвечаю я.

– А, русская классика! – он немного оживляется, – я Чехова тоже с детства люблю. Даже плакал над его рассказами. «Спать хочется», помнишь? До сих пор слезы наворачиваются. Умел Антон Павлович до человеческой души докопаться, тронуть, так сказать, струны.

– Так ведь он врачом был, – я откладываю журнал на столик, не скрывая удивления, – с разными людьми общался, имел привычку смотреть на человека со стороны. Как и Булгаков, кстати.

– Наверно, – брат Матвей немного хмурится, – читал я Булгакова, конечно, «Мастер и Маргарита». Мне не понравилось,

не моё это чтиво. О чём пишет Булгаков? О том, что человек сам себе хозяин? Что он может сам управлять своей жизнью «отменив» Бога? Потом, Воланд этот, дьявол, то есть, подан прямо-таки эстетом, интеллектуалом. словно он не средоточие вселенского зла и нечисти, а интеллигентный проповедник. Как можно сказать о сатане: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»?

– Этот роман о дьяволе, но и не только, на мой взгляд, – не соглашаюсь я с братом Матвеем. Лучше сейчас с кем-нибудь поговорить, тем более о любимой литературе, – ещё он о поиске истины, о поиске Бога. Да, Воланд показан в романе чуть ли не всесильным (хотя такой поверхностный взгляд ошибочен) и даже доброжелательным. Но, не случайно дьявол появляется в Москве в послереволюционное время – в разгар гонений на православие, в эпоху радикально атеистического сознания, когда никто не верит ни в Бога, ни в чёрта, когда о нелепости веры кричат на каждом углу. Воланду приходится доказывать своё существование через существование Иисуса Христа. И не случайно наличие в романе стольких аллюзий с Евангелием. Думаю, Булгаков всё же хотел показать не религиозную борьбу, а то, что жизнь в безбожии не приведёт к свету. Человек «не сам себе хозяин», но имеет персональный выбор: служить свету, или служить тьме.

– Возможно, мне стоит его перечитать, – всё это время брат Матвей с интересом слушает меня, – ну а Достоевский? Его мне тоже тяжело читать. Почему ему нравится описывать самые драматичные события в жизни персонажей, когда они сломлены, унижены и находятся на грани. К чему столько боли? Неужели в русской литературе, как говорят, обязательно должен кто-то страдать?

– Достоевский, для меня – большой философ. Ему важно раскрыть человека, произвести психологический анализ своих персонажей. Поэтому он детально описывает жизненные ситуации, в которые они попадают, помещает своих героев в состояние крайнего духовного напряжения, чтобы показать их внутреннюю борьбу, раскрыть душу. Помнишь его знаменитое изречение: «В мире дьявол с Богом борется, и поле битвы – сердца людей».

– Интересный ты собеседник, брат Илья, как выясняется, – улыбаясь, говорит мне Брат Матвей, и о чём-то задумывается. Я

замечаю, что его руки покрыты тюремными наколками: на тыльной стороне левой ладони проколотое стрелой сердце, на пальцах левой руки карточные масти. На пальцах другой руки наколоты «перстни», один из них с короной. Очевидно, что это не самые простые «зонавские» наколки, значит, понимаю я, передо мной человек, отсидевший не один год, занимавшей в тюремной иерархии высокое положение. Брат Матвей перехватывает мой взгляд. Я продолжаю читать журнал, но он останавливает меня:

– Хочешь, брат Илья, я расскажу тебе о своей доле, так сказать, погружу тебя в свои «жизненные ситуации»? – брат Матвей как-то загадочно улыбается, отчего мне становится не по себе.

– А что? Охотно послушаю, – не сразу соглашаюсь я, – только вот по поводу психологического анализа не ко мне, лучше с этим, брат Матвей, тебе к батюшке обратиться.

– Отцу Иосифу я про свою судьбу уже рассказывал. – Он выдерживает прямо-таки театральную паузу. – Я сам из солнечной республики Абхазии, из Сухуми. Всё детство на побережье Чёрного моря. Для кого-то мечта, для меня обыденность. Опять же персики, мандарины, черешня, эти фрукты росли прямо у нас в саду, – брат Матвей придвигается ближе ко мне, – впервые я сел ещё там по малолетке. Магазин с ребятами продуктовый выставили. Одного из нас менты взяли, раскрутили. Он, слабак был, всю нашу ватагу операм тут же сдал. Зла я теперь не держу на него. Много воды утекло. Кто знает, может его и в живых нет. Мне тогда только мать жаль было, в глаза ей на суде не мог смотреть.

Брат Матвей замолкает, погрузившись в воспоминания. Я решаюсь задать ему мучающий меня вопрос, от робости, видимо, обращаясь на «Вы»:

– Скажите, а почему Вас матушка назвала Матвей? Редкое имя.

– Мать набожной была очень. А я родился как раз на день его почитания. Смешно получилось, я после того как первый срок отмотал, тоже в некотором роде мытарем был: торгашей на рынке местном обирал. Ну вернее, крышевал, – брат Матвей смеётся в кулак.

Он подходит к аквариуму, кормит рыбок. В аквариуме происходит борьба за корм. Самая большая, сильная и шустрая из

рыбок расталкивает остальных по углам аквариума, кусает и не подпускает к корму.

– Хм, всё как у людей, – сильный жрёт слабого! – констатирует брат Матвей, садиться в кресло и продолжает рассказывать. – А потом такая катавасия в стране началась. Я ведь с грузинами воевал. Они тогда за мою голову большие деньги давали. Небезопасно стало, и я в Россию подался, счастья искать. Много чем перебивался, много зарабатывал, многих людей обидел. Завертелось, закрутилось, ну знаешь, лихие времена. Как болото, в трясику залезешь, назад пути нет, не выкарабкаешься. Короче, в итоге бригада наша в разработку федералов попала, и на этот раз раскрутили нас уже по полной. Ни деньги, ни адвокаты не помогли. Мне семнадцать лет повесили в две тысячи втором году. Пятнадцать и три я отсидел, как поле перепахал, сначала на Ямале, потом в Коми, – брат Матвей прерывает рассказ, видя, что я необычно улыбаюсь. Жестом он просит меня объясниться.

– Ты сказал, на Ямале был, брат Матвей...

– Ну да, суровый там климат. До костей промёрз.

– Точно, климат суровей некуда. Я тоже там был, – объясняю я, – только не в колонии. Я в командировки ездил, ну то есть вахтовым методом работал водителем на нефтедобыче, ну и механиком приходилось быть заодно. Да... Холодрыга там, жуть! Мы зимой машины вообще не глушили, – потом не заведёшь. А если заглохнешь где в глуши, считай труп. Когда ветер полярный дует, спиной вперёд приходится идти. Вы так ходили, брат Матвей?

– У нас не особо разгуляться где было, – брат Матвей смеётся, открывая неполный ряд зубов, – и под конвоем не особенно кобениться будешь.

– Ну, да, – «как я мог не подумать о конвое», – укоряю я себя. – А вот мы там все так ходили, по городу в том числе. И ведь не падали и не сталкивались. Два месяца там отработаете, на два в отпуск домой при деньгах хороших. Там-то их тратить, всё равно, негде. Разве что, на выпивку.

– Ну так вот, – брат Матвей, посерьёзнев, продолжает, – вышел я уже в Коми, почти здоровый, только артроз заработал. Купили мне билеты на поезд, один до Москвы, второй от Москвы до Абхазии. Но я еще до того, как откинуться, решил, выйду –

сразу сюда, в скит поеду. Мне про это место сокамерник много рассказывал. В Котласе сошёл, пытаюсь билет сдать. Ничего не выходит, у меня ни российского, ни абхазского паспорта – со времен СССР ещё остался. Я, выходит, гражданин несуществующей страны...

– Апатрит, – вставляю я.

– Чего?

– Это значит человек без гражданства.

– Ну да, выходит так. Такие дела. В итоге накапал я им на мозги, билеты, купленные мне в колонии, чудом сдал и взял до Нижнего. Ну а потом сюда.

– Надолго? – нечаянно перебиваю я брата Матвея тем же вопросом, что задавали и мне.

– Ещё месяцок здесь перекантуюсь, а потом есть у меня желание души страждущей до Дивеево съездить, к мощам святым приложиться. Дальше, если всё сложится, домой поеду, может найду кого из родных, знакомых. Не знаю, как там теперь, столько времени прошло. Может и в квартире моей уже другие люди живут. Тут вины ничьей нет, сам виноват. На Новый Афон съезжу... И опять, в монастырь уйду, уж до конца дней своих. Сколько Бог отпустит!

Лицо брата Матвея покрывается сетью морщин. Он смотрит пронзительно, тяжело, будто сквозь меня и сквозь стены. Мне становится не по себе, но я спрашиваю его:

– Брат Матвей, больше пятнадцати лет ты не был на воле. Наконец, получил долгожданную свободу. И теперь, хочешь не расправить крылья и полететь, не черпать эту свободу досыта, как многие, а вновь заточить себя в клетку на всю жизнь. Тебе не кажется, что ты меняешь одну тюрьму на другую?

– Человеческая свобода не определяется только внешними стенами, брат мой, – отвечает он твёрдо, – дух может быть свободным даже тогда, когда тело заковано в тюремной камере. Видимо, мне было нужно столько времени, чтобы осознать Бога и впустить его в себя. Жизнь моя – его дар, но она всецело принадлежит ему. Уже сейчас я хочу быть к Богу ближе. Это мой выбор, брат Илья.

*«Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев
гнездится в сердце глупых»
Книга пророка Екклезиаста, или Проповедника, стих 7.9*

Утром следующего дня после утренней трапезы и молитвы ко мне подходит настоятель и в шутку укоризненно спрашивает:

– Брат Илья, а что же ты мне не сказал, что механиком-водителем работал?

– Работал, батюшка, на «Урале» по Крайнему Северу ездил, – отвечаю я с улыбкой, – это Вам брат Матвей рассказал?

– Он. Есть у меня к тебе личное послушание, вернее, просьба. Но она для всего скита интерес имеет. Если согласишься, конечно.

– Слушаю!

– У нас в гараже «Нива» старенькая стоит, – Отец Иосиф показывает рукой на кирпичное строение, стоящее поодаль барака, – моя, я давно её почти за бесценок купил. Думал, отремонтирую, в хозяйстве будет помощь. Но всё то времени, то финансов, то знания не хватает. Может посмотришь, брат Илья, авось, починишь? Не получится, так и ладно.

– Конечно, посмотрю, батюшка, – и вправду хочется взглянуть на машину, – мне интересно с техникой работать. Что смогу сделаю!

– Вот спасибо, – Отец Иосиф не скрывает радости, – пойдём я тебе покажу, где инструмент и запчасти лежат.

Сегодня погода разгулялась. Небесные ламантины уплыли в направлении города. В лазоревом небе где-то высоко-высоко летят белые лебеди перистых облаков. Солнце навязчиво пытается обогреть всех и вся, видимо, соскучившись по земле и живущим на ней тварям. Оно слепит глаза, залезает под рубашку, прыгает с железной крыши барака на крест Отца Иосифа, отчего он светится как Вифлеемская звезда. Мы входим в гараж, и солнце прыгает с креста на стёкла круглых глаз бежевой «Нивы». Я обхожу её кругом, осматривая. Ничего, машина ещё крепкая, не гнилая. Есть, конечно, рыжики по корпусу, но это нормально для нашего автопрома. Заглядываю под капот: двигатель и навесные агрегаты на своих местах, что уже неплохо.

— А что беспокоит нашу больную? – спрашиваю я у Отца Иосифа.

— Что-то с ходовой, и двигатель чихает.

— А может, «потому мотор простужен, что мотору воздух нужен»? – шучу я.

— Может и так, – улыбается Отец Иосиф, – Ты «доктор», тебе виднее. Ладно, пойду я, дел на сегодня много. Что будет нужно, сообщишь. Бог в помощь!

— Хорошо, батюшка. Спасибо!

Я открываю водительскую дверь, сажусь за руль, и первым делом проверяю зажигание. Питание есть, бензин тоже. Ну что ж, попытка не пытка. Завожу. Мотор, как и сказал Отец Иосиф, чихает, но заводится. Работает нестабильно, норовит заглохнуть. Думаю, здесь проблема либо в зажигании (возможно, трамблёр, свечи), либо с подачей топлива (что скорее всего, ведь машина карбюраторная). Ну с этим я быстро разберусь. А по ходовой нужно смотреть снизу, благо гараж с ямой. Надеваю перчатки, прыгаю в яму и с помощью переноски осматриваю низ машины. На первый взгляд, крестовины кардана под замену, сальники тоже, – пол в яме уже залит маслом. А дальше посмотрим. Вообще, в «Ниву» нужно много масла, по опыту знаю. Раньше, когда в сервисе, работал не одну «Ниву» отремонтировал. Крестовины карданов нужно смазывать постоянно, потому что они выходят из строя очень быстро. Заменить крестовину нелегко, иногда при замене деформируется карданный вал, поэтому, чтобы не менять кардан, каждые десять тысяч километров надо смазывать крестовины. Течь сальников – это вообще больное место модели. Если сальник потёк, тянуть нельзя. Нужно менять его и доливать масло, иначе выйдет из строя вся раздатка.

Время за ремонтом летит незаметно, поэтому я не могу сказать, в котором часу в гараж входит побитого вида мужчина в рабочей робе. Вначале я не узнал его, но теперь вспоминаю, что тот самый тип, что прицепился ко мне у сарая. Я посматриваю на него из ямы в перерывах между затягиванием болтов на коробке.

— Здорово живёшь, – приветствует он и протягивает шершавую ладонь.

— Здравствуй, – отвечаю я, но руки не подаю, – извини, руки в масле.

– Ты чего, теперь «Ниву» настоятелю подшаманить решил? – он присаживается на корточки, заглядывает под машину.

– Это моё послушание на сегодня.

– То есть бесплатно хочешь батюшке колёса сделать, – он хмыляется, и сразу негативно настраивает меня к себе. Я злюсь, ключ срывается с головки болта и больно бьёт по пальцу.

– Не только батюшке, но и всей братии. Эта старушка ещё всему монастырю послужит, – я стараюсь отвечать без раздражения, несмотря на боль.

– А ты, типа, могёшь, да? В технике разбираешься? – он явно намерен меня достать.

– Могу, могу, – отвечаю я более дружелюбно, – я с детства технику люблю и умею ремонтировать. Когда в школе учился у меня был мопед «Карпаты», я его полностью перебрал, так что он заводился с полтычка на зависть всем пацанам. В тринадцать лет уже «Юпитер» себе приобрёл, из него тоже сделал конфетку. А потом и сервисе работал, водителем-механиком на «Урале». Так что с техникой я почти всю жизнь связан.

– О! На «ты», значит.

– Более чем. А ты, что, не на послушании? – спрашиваю я его, чтобы сменить тему.

– Я уже был. Перекур у меня, – он противно смеётся и кашляет, – до обеда. И вообще, что это за слово такое «послушание»? Кого я тут слушаться должен, меня рабом на галеры не покупали!

– Ты раб Божий, как говорят, и послушен должен быть Богу, а в монастыре тебе в этом помочь хотят, – я вылезаю из ямы и протираю руки ветошью. – Иначе зачем ты сюда приехал.

– Точно. Так помочь хотят к Богу приблизится, что для этого я должен спину сломать, – он повышает голос.

– Послушание – это не только обязательные работы, это важная духовная составляющая монастырской жизни. Тебе разве не говорил Отец Иосиф? Смирив себя, своё тело, ты укрепляешь свой дух, через молитву становишься ближе к Богу, к своему спасению. Грехопадение Адамы и Евы произошло как раз из-за «непослушания», – я стараюсь говорить спокойно, – и потом, тебя же сюда никто не заставлял приходить.

– А я в скит за помощью и молитвой и пришёл, а не сдохнуть здесь с лопатой в руках. Да ещё лекции нравоучительные выслушивать от таких умников как ты. Ты мне кто здесь, вертухай?

– Тогда бы не ехал! Пошёл бы на паперть, или на вокзал, может и подал бы кто-нибудь. Добрых людей много. Хотя я бы не подал! С чего ты взял, что тебя задарма должны кормить и спать укладывать? Руки-ноги у тебя есть, – не выдерживаю я.

– Ты меня за кого принимаешь? Милостыню просить я должен! Я что, по-твоему, на бомжа похож? – он с вызовом подходит ближе ко мне, – на себя посмотри! Хорошо устроился. Конечно, гайки крутить не лопатой махать. Пригрелся на груди у настоятеля.

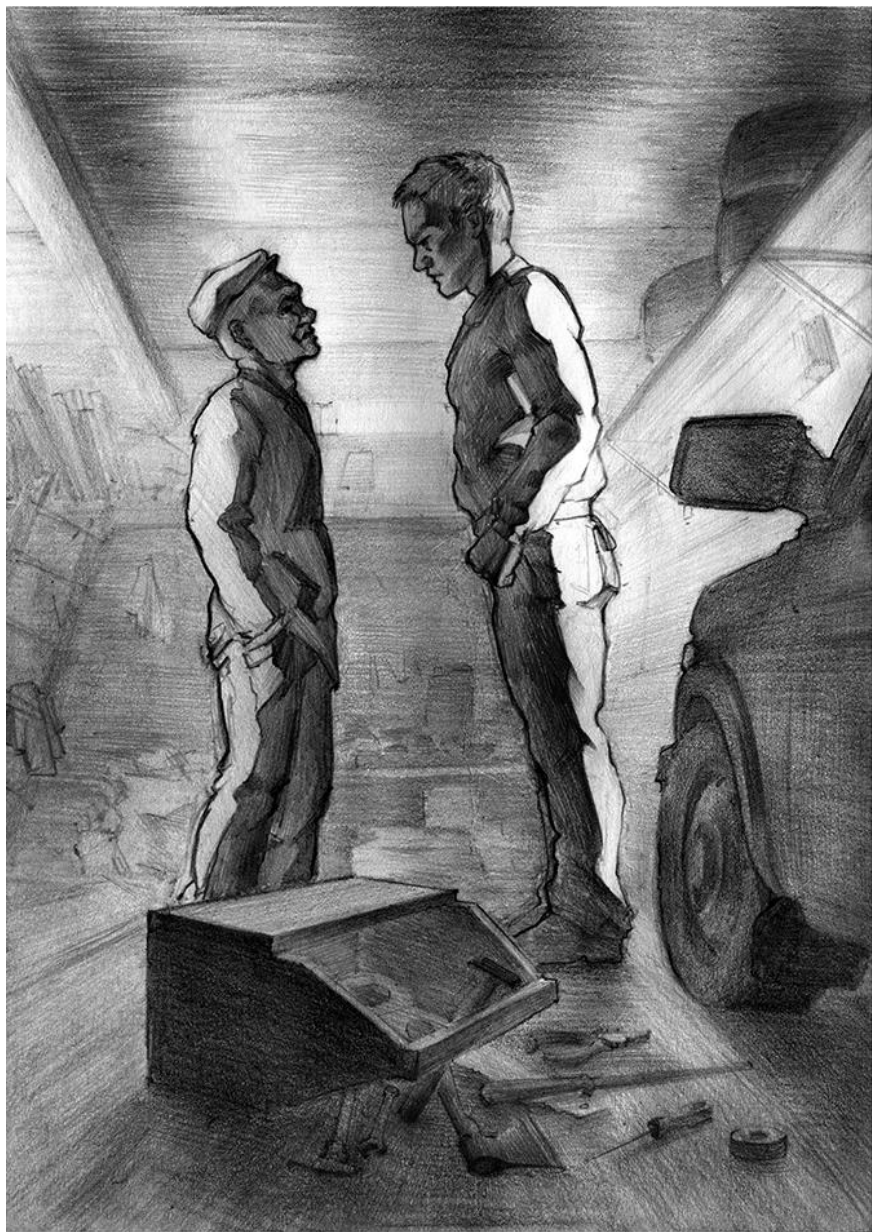
– Во-первых, я сюда не напрашивался, а выполнил просьбу Отца Иосифа, – хриплю я, – а во-вторых, ты сам кто такой, чтобы со мной в таком тоне разговаривать?!

– Ты пальцы перед бабой своей гни, а мне предьявы не кидай, – он ниже меня ростом, и смотрит снизу-вверх, но взгляд у него волчий, колючий.

– Пошёл вон! – я непроизвольно сжимаю кулаки и коброй нависаю над этой жабой, – иначе я настоятелю о тебе сообщу. Не хочешь работать, так мне не мешай!

– Ну, ну, – он опять натягивает ехидную улыбочку и пятиться из моей тени к дверям гаража, – посмотрим, как ты запоёшь!

Я хожу из угла в угол, пытаюсь успокоиться. Всё-таки этот... «брат», кстати, до сих пор не знаю его имени, разбередил мне нервы. Эх, сейчас бы покурить хоть одну сигаретку, но нельзя, – курение, естественно, запрещено. Бывают же люди... Они и в монастыре грязь на ближнего пытаются вылить и сами в ней купаются. Отдышавшись, я успокаиваюсь и спускаюсь в яму. Осталось поставить раздатку и закрепить все болты. Обычно я люблю заниматься ремонтом машины под музыку, так веселее. Раньше включал «Наше радио», даже подпевал любимые композиции. Теперь оно, правда, испортилось, какую-то попсу начали в эфир пускать. Но, так или иначе, музыка в монастыре тоже под запретом.

Проходит около часа, и я вылезая из ямы. Немного затекли руки, но терпимо, ремонт мог затянуться и на большее время. Запчастей в закромах у Отца Иосифа хватило: нашлись и сальники, и крестовины, и масло. Карбюратор я промыл бензином, продул сжатым воздухом и отрегулировал жиклёры. Осталось провести ходовые испытания, и надеюсь, получить удовлетворения от результатов своего труда. В то время как я очищаю руки, в гараж заходит Отец Иосиф.

– Бог в помощь, брат Илья, как успехи?

– Спасибо, батюшка, думаю, будет жить ваша старушка. Ещё поработает на славу, машина надёжная!

– И тебе спасибо, радостно слышать. Чего-то ещё нужно докупить?

– Нет, у вас тут и так целый склад запчастей. Всего достаточно.

Отец Иосиф улыбается, обходит машину. Испытывающе смотрит на меня, но я молчу.

– Вот что значит, дело мастера боится, – продолжает он, – ...тут ко мне брат Владимир подходил, про тебя рассказывал, – видя, что я в замешательстве, он уточняет, – это тоже новенький наш трудник, он говорил, что к тебе заходил.

– А! Ну да, заходил, – спокойно отвечаю я. Бросаю в мусорный бак грязную ветошь, неспешно собираю инструменты.

– Он ведь жаловался на тебя. Говорил, что ты его оскорбил и обидел чем-то.

– Может и обидел, батюшка. Но не оскорблял точно.

Отец Иосиф подходит ко мне ближе:

– И больше ничего не скажешь?

– А что говорить? Я не привык за глаза о людях плохо говорить.

– И правильно, не надо. Не суди, судим не будешь, как говорится. Я и так всё понимаю, жизнь научила в людях разбираться. Вижу, кто он, и кто ты... Выгнал я его из скита! Владимир и раньше от послушания отлынивал и смуту в братии чинил.

Мы молча смотрим в глаза друг другу. Не зная, что на это сказать, я сажусь на водительское кресло «Нивы» и поворачиваю

ключ. Двигатель плавно заводится и довольно урчит, без каких-либо перебоев и «чихов». Настоятель улыбается, молча кивает головой.

– Ну что, батюшка, проверите на ходу?

– Нет уж, твоих золотых рук дело, тебе и проверять, – отвечает Отец Иосиф и садится рядом. Я плавно отпускаю сцепление, и мы выезжаем из гаража.

*«Видевший Меня видел Отца»
Евангелие от Иоанна, стих 14.9*

Будни проходят в монастыре в молитве и послушании. В субботу после обеденной трапезы мы прерываем работу, и переодеваемся в чистую одежду, так как сегодня особенный день в ските: проводы иконы Божьей матери «Неупиваемая чаша» в городской монастырь, чтобы все верующие смогли поклониться чудотворному образу. Проводы иконы сопровождаются крестным ходом, и я с нетерпением ожидаю его начала, ведь мне впервые посчастливилось принять в нём непосредственное участие.

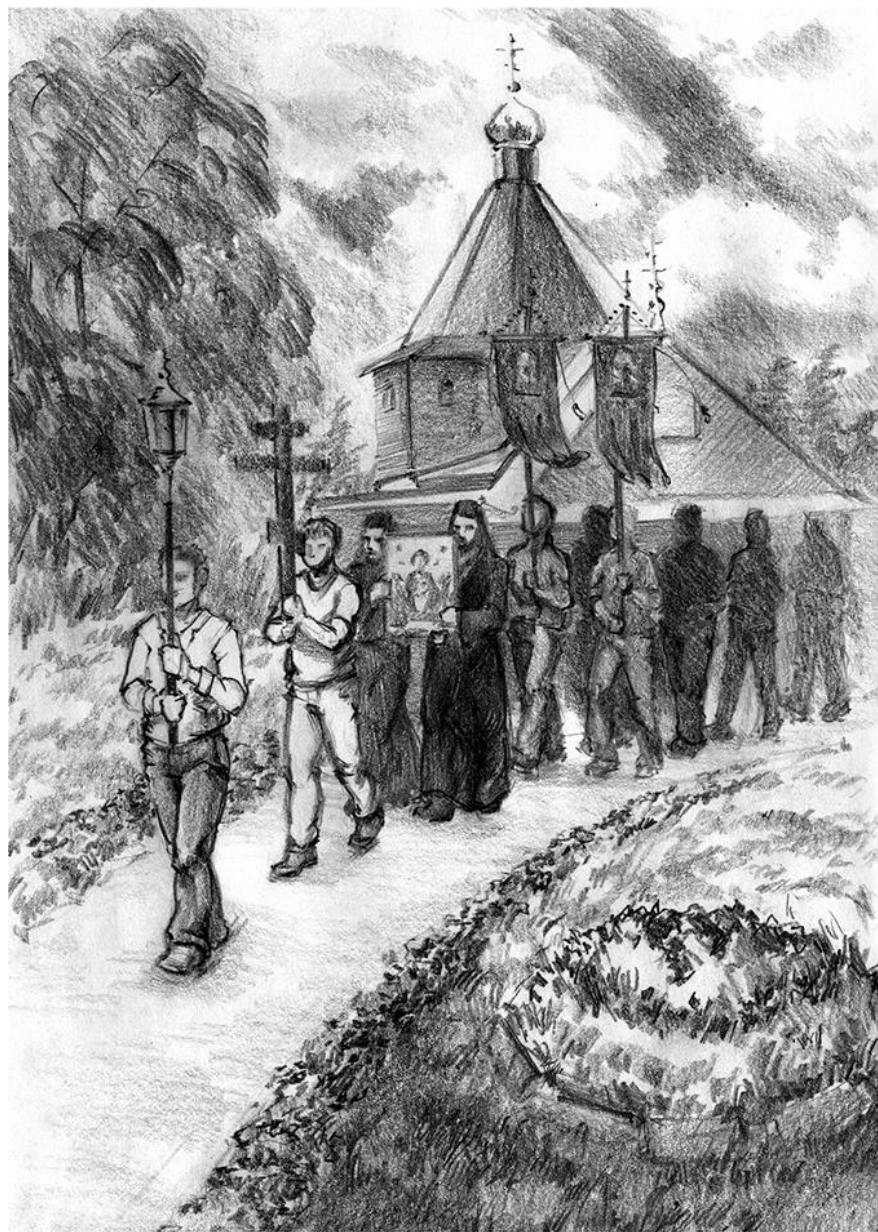
Кое-что я помню из истории крестных ходов. На Руси часто по разным поводам проводили крестные ходы, ценили их очистительную и молитвенную силу. Будь то церковный праздник: Пасха Христова, день памяти чтимого святого или чудотворного образа, или же бедствие: нашествие врагов, эпидемия, падёж скота, засуха, пожар. Ещё в Ветхом Завете есть описание того, как древние христиане совершали торжественные шествия во славу Божью. В Новом Завете роль устроителя крестных ходов отводится самому Иисусу Христу. Главный образец крестного хода – вход Господень в Иерусалим. Иисус шёл в город на жестокие страдания, зная, что его ждёт Голгофа, но при этом он был преисполнен Божьей благодатью и любовью, не держал зла на людей. В Константинополе начало крестным ходам положил святитель Иоанн Златоуст, который устраивал их против ариан. Именно тогда были сделаны серебряные кресты на древках, которые торжественно носились по городу вместе со святыми иконами. Люди, участвующие в крестном ходе, шли вслед за иконами с зажжёнными свечами. С тех пор до наших времён процессия крестных ходов практически не изменилась.

...И вот молебен в храме отслужен. Двухстворчатые двери храма открываются настежь, и под звон благовеста братия скита начинает крестный ход. Накануне опять шёл дождь, но теперь он взял передышку. По небу чёрными табунами всё ещё быстро несутся тучи, предвещая продолжение непогоды. Ветер треплет зелёные косы берёз. Грудь наполняет свежий и прохладный воздух.

В первую очередь из храма выносят фонарь на древке (внутри фонаря горит церковная свеча, которую один из братьев зажжёт заранее до выноса), символизирующий пламень веры. По преданию, именно церковным фонарём освещали себе дорогу жёны-мироносицы, которые ночью шли к гробу Господню. Следом, тоже на древке, несут запрестольный крест, – главный символ христианства, орудие казни Иисуса Христа, который он нёс на своих плечах на Голгофу, на котором впоследствии и был распят для искупления грехов за людей; символ жертвенной любви от Бога, победившей насилие и зло. От впереди носимого креста шествие и получило название «крестный ход».

Звон благовеста, производимый одним из братьев, выражает торжество креста Христова. Брат Пётр, несущий крест, сказал, что мы воины света, идём за ним, как за своим знаменем. А впереди нашего войска горит негасимый пламень веры, заставляя тьму расступаться и падать к нашим ногам. Я украдкой посмеялся. Брату Петру свойственен религиозный пафос, но он добродушный и открытый человек. За крестом Отец Иосиф и брат Михаил несут сам образ – икону Божьей матери «Неупиваемая чаша». Сегодня Бог дал мне ещё одну благодать: брат Михаил снял с клироса хоругвь – священное знамя церкви и доверил мне её нести. Хоругви с изображениями Спасителя и Божией Матери символизируют победу над смертью и дьяволом. Я аккуратно выношу хоругвь из храма и поднимаю её за древко, так, чтобы икона Божьей матери, писанная на полотне, смотрела вперед. Ветер раскачивает золотую бахрому и кисти хоругви. Мне радостно и вместе с тем немного страшно за порученную службу. Вспоминаю, как во время учебы в училище был знаменосцем, только теперь ответственность моя несравнимо выше, ведь смотрителем нашего шествия является сам Господь.

Я иду справа вслед за отцом Иосифом и братом Михаилом и несу хоругвь Божьей матери, слева брат Павел несет хоругвь с иконой Спасителя. За нами попарно, идут остальные братья с зажжёнными свечами. Отец Иосиф читает иисусову молитву и начинает петь молебный канон. Мы неспешно идём вокруг храма противосолонь, то есть против часовой стрелки, с непрерывным, и как сказал Отец Иосиф, благоговейным вниманием. Этим и отличается крестный ход от иных шествий и митингов, главная его

цель – прославление Бога, испрашивание у него милости и благодатной поддержки. Шествуя в крестном ходе, нужно понимать, что идешь под предводительством святых, приближаясь к самому Господу. Как завещал святой митрополит Филарет, по поводу шествия из Старо-Голутвина монастыря в Коломну в память о прекращении холеры, «святыня земная знаменует и призывает святыню небесную; присутствие креста Господня и святых икон и кропление освящённою водою очищает воздух и землю от наших греховных нечистот, удаляет тёмные силы и приближает светлые. Пользуйся сею помощью для твоей веры и молитвы, и не делай её бесполезною для тебя твоим нерадением. Слыша церковное пение в крестном ходе, соедини с ним твою молитву; а если по отдалению не слышишь, призывай к себе Господа, Божию Матерь и святых Его известным тебе образом молитвы. Не входи в разговоры с сопутствующими; а начинающему разговор отвечай безмолвным поклоном или кратким только необходимым словом». Шествуя в крестном ходе, мы выражаем готовность следовать по стопам Иисуса Христа, сближаемся с шествием верующих, сопровождавших Христа на Голгофу, с шествием жён-мироносиц ко Гробу Спасителя.

Проходя за храмом, я замечаю стоящие рядами простые безымянные деревянные кресты, раньше не виденные мной. Но спросить об этом в ходе крестного хода нет никакой возможности. Братия творит молитву, и я также по мере своих знаний, стараюсь подпевать. После того как икона вынесена за ворота скита и положена в машину, мы возвращаем в алтарь фонарь, крест и хоругви. Брат Михаил закрывает храм, и тогда я спрашиваю:

– Брат Михаил, а что это за безымянные кресты, которые я видел за храмом?

– Там похоронены жившие здесь когда-то иноки, – охотно отвечает он, – меня тогда ещё в ските не было, но среди послушников есть старожилы, которые и хоронили их.

– Так почему же кресты безымянные?

– Говорят, эти иноки не только от мира отреклись, но и от имени своего. Чтобы ничто не мешало им на пути к Богу...

Окончив крестный ход, мы возвращаемся в барак. Вновь начинает накрапывать дождь. Мы не успеваем спрятаться внутри здания, как на землю с новой силой обрушивается ливень. Крупные

его капли бьют по крышам строений, листьям деревьев и кустарников с громкими хлопками, отчего кажется, что находишься внутри аплодирующей толпы. Как будто дождь на время проведения нами крестного хода кто-то выключил. Видимо, сам Господь Бог помог нам достойно проводить икону Божьей матери.

*«Бог есть любовь»
Евангелие от Иоанна, стих 4.8*

Погода не перестаёт удивлять своим непостоянством. Воскресное утро озаряет ядрёный алый рассвет. В его зареве чёрный сруб церкви иконы Божьей матери «Неупиваемая чаша» кажется величественным сооружением древнерусского зодчества. Братия идёт на утреннюю службу, и солнце красит лица идущих, как у индейцев североамериканских прерий. В лучах восходящего солнца бриллиантово блестит на траве роса, и поляна перед храмом сверкает и переливается. Утреннее правило сегодня длится дольше обычного: читается Последование ко Святому Причащению, братия готовится к исповеди. Воскресная служба отличается ещё и тем, что в воскресные дни, а также во дни великих Господских праздников и во всю Пятидесятницу – от праздника Святой Пасхи до дня Святой Троицы отменяются земные поклоны и заменяются поясными. Отец Иосиф объяснил мне, что поклоны при молитве являются проявлением раскаяния, смирения и покорности воле Божией. Но главное, стоя в церкви и совершая совместную службу, представлять, что стоишь прямо перед Господом. Тогда испытываешь особенное благоговение.

После службы на выходе из храма меня встречает брат Андрей. Одет он, как и при первой нашей встрече, в рабочую робу, на ногах резиновые сапоги.

– С праздничком, брат Илья, – начинает он разговор, – как спалось?

– Спасибо, как у Христа за пазухой, – отвечаю ему тёплым рукопожатием, – что-то я тебя только на трапезе и на службе встречаю, брат Андрей.

– Я же на ферме работаю, не всегда есть возможность в барак приходиться. До рассвета встаю, и ложусь, бывает, уже за полночь. Я слышал, брат Илья, ты уже сегодня уезжаешь, так возьми у нас молочка, творога, яиц куриных. Не пожалеешь, хозяйство у нас хорошее, продукт качественный. Сам посмотри, какую сочную травушку наши коровки едят, и каким воздухом свежим дышат.

– А что, возьму, – я с готовностью соглашаюсь, хотя острой необходимости в продуктах не испытываю, просто хочется ещё хоть малым помочь монастырской братии.

Мы идём по дороге к ферме, и я, как и других, расспрашиваю брата Андрея о его причинах приезда в скит. Он охотно рассказывает свою историю. Вообще, я заметил, что, за редким исключением, среди братии нет закрытых и неприветливо настроенных людей.

– Лет десять назад я и не думал, что жизнь моя может повернуться так круто, – брат Андрей протирает салфеткой очки и немного хмурит редкие брови, затем продолжает, – женился я рано – в девятнадцать. Жена у меня красавица, лучшая в школе была. Знаешь, сколько за ней парней бегало, а она меня выбрала и больше ни в чью сторону не смотрела. Пять лет мы с ней душа в душу жили, что называется, не разлей вода, куда я, туда и она, куда она, туда и я. Насладиться друг другом не могли, даже по улице в обнимку ходили. А потом как обрубил. Как прокляли нас, – вздыхает брат Андрей и, щурясь, смотрит на сверкающий в лучах молодого солнца купол церкви. Я вслед за ним тоже заглядываюсь на него. В лучах утреннего солнца он похож на золотой колокол... – она на корпоративах стала задерживаться, с подругами допоздна гулять. Я в это время с друзьями выпивал, её игнорировал. Выходные мы проводили по разным комнатам: я с книгами, она с ноутбуком. В какой-то момент я стал подозревать, что у неё кто-то есть, может и беспочвенно, до сих пор не знаю. Начались постоянные скандалы. Просто внутри что-то сломалось, и мы оттолкнулись друг от друга. А потом загулял я, по двое-трое суток дома не появлялся, где жена была в это время, не беспокоился. Таскался с какими-то... – брат Андрей запинается, стараясь подобрать слово, – легкомысленными девушками, одну из них по пьяни домой привёл. Совершили мы с ней... Хм, половой акт, – вздрагивает он. Вижу, что эти воспоминания ему тяжело вытаскивать из глубины души, – кстати, кроме разочарования ничего я тогда не почувствовал. И в это время, как в анекдоте, жена в комнату входит. Скандал, конечно, весь подъезд переполошили. Потом тяжёлый развод был, долго мы друг другу нервы трепали. Даже удивительно, как быстро близкие родные люди могут стать

настолько ненавистными друг другу. А потом осталась только боль и отчаяние. Я ведь жену до сих пор люблю!

– Мне близки твои чувства, – говорю я. Мы садимся под сенью старой берёзы перед лугом, где пасётся скот с фермы, – я ведь тоже в разводе, и, похоже, так и не разлюбил.

– Да ты что! А причина?

– Похожая. Скандалы с женой начались из-за моих попок, нежелания двигаться вверх. Раньше я вахтовым методом на Севере работал, в отпусках подолгу дома находился. Вот и пить начал, то ли от скуки, то ли ещё отчего. Времени много, так я в запой начал уходить.

– Жене, конечно, это не нравилось, – понимающе, кивает брат Андрей, – она тебя пилила?

– Постоянно! Она всегда хотела, чтобы я успеха добился, а я на вершины не лез. Как она говорила, «нет во мне предпринимательской жилки». Работу я всё же сменил, взяли в одну хорошую фирму, но пить остановиться не смог. В конце концов, с работы меня уволили. Я ещё больше употреблять стал. Однажды она просто ушла, ничего не сказав. А я не искал её, потому что понял, что ей нужен кто-то лучше меня. Я решил, что не достоин её. И не искал... А вы не общались после развода? – спрашиваю я.

– Нет, тоже не общались, – Брат Андрей машет рукой, – говорю же, мы разошлись как непримиримые враги. И, потом... Помнишь в рассказе Горького о старухе Изергиль: «никогда не встречалась после с теми, которых когда-то любила. Это нехорошие встречи, всё равно как бы с покойниками». Я думаю, в этом есть некий смысл.

– Да, но ведь за свою долгую жизнь Изергиль сменила многих любовников, а истинную любовь так и не нашла, – возражаю я, – хоть и не жалела ни о чём, а всё-таки, мне кажется, была несчастна.

– Может и так, – брат Андрей раздумывает, – и всё же наше с бывшей женой счастье уже невозможно, мы сами до основания разрушили его храм. А я предал свою любовь.

Солнце ослепительно яркой лампой висит под безоблачным потолком неба и обильно поливает тёплыми лучами монастырский двор. Воздух прозрачен и свеж. Над поляной летают всевозможные

букашки и жучки, бабочки кружат над цветами у церкви. В роще на все лады перекликаются птицы. О вчерашней непогоде напоминает разве что скопившаяся в низинах дождевая вода. Между нами повисает молчание, но никто из нас не торопится его нарушить. Возникает та особенная пауза в мужском разговоре по душам, когда оба хотят выговориться, но ждут, не начнёт ли первым собеседник. Мы даже не смотрим друг на друга и с головой погружены в свои мысли.

– Брат Андрей, а где ты учился? – наконец спрашиваю я его – Вижу, ты страсть как читать любишь.

– Закончил филфак ННГУ.

– О, филолог, значит, – улыбаюсь я, – тогда понятно! А я политех закончил, автомобильный. До этого НРУ.

– Правда?! – удивляется брат Андрей, – а что на судах работать не остался и в водную академию не пошёл?

– Понял, что навигация, это не моё... А ты почему в журналисты не подался, например?

– Я после окончания вуза непродолжительное время учителем по русскому языку работал в школе, – он тоже улыбается, – потом в продажи ушёл, менеджером. Но понял, что продажи – это не то, чему я хотел бы посвятить свою жизнь.

Мы смеёмся. Но, кажется, брат Андрей смеётся одной улыбкой, скулы его напряжены, брови нахмурены. Мы снова какое-то время молча разглядываем территорию скита, думая о своём. Брат Андрей, подняв голову, вглядывается в синеву расцветшего неба, будто пытаюсь найти и разглядеть там не успевшую спрятаться яркую звезду, закусывает травинку. Я ненамеренно повторяю его движения: закусываю травинку и вглядываюсь в небо.

– Что касается страсти, – теперь нарушает молчание брат Андрей, – это ведь порок душевный, греховная зависимость.

– Что? – не понимаю я, – какой страсти?

– Ты сказал, что я имею страсть к чтению. Страсть это неверное слово. От страстей избавляться нужно. Но читать, я и вправду люблю. Только вот здесь особого разнообразия книг нет, всё-таки уставом монастыря запрещено иметь нерелигиозную литературу.

– Это я заметил.

– Вот-вот. По правде говоря, мне и читать-то некогда: на ферме работы уйма, время только на молитву и сон остаётся.

– Значит, ты, потеряв свою любовь, решил поехать в скит, – я направляю беседу в изначально намеченное русло.

– Не сразу. Я ведь тоже после развода совсем распустился, и пить стал запойно. С непривычки голодал. Работу потерял. С друзьями и родными разругался. Я друзьями с тех пор стал собутыльников называть: тех, что с утра до вечера у разливаек караул несут, ждут, когда за чей-нибудь счёт удастся горло промочить, – брат Андрей оценивающе смотрит на меня.

– И мне это знакомо, – вторю я ему, – когда пьёшь постоянно, становится всё равно с кем, где и на что. Я ведь и вещи начал пропивать, ладно хоть до воровства не опустился!

– Да уж!

– Один раз я к другу в Москву ездил, – делюсь я своей историей, – естественно там компанией изрядно погуляли, попили, девок каких-то помяли. Они меня всей гурьбой провожать на поезд пошли и по этому поводу прямо на платформу ящик пива с собой принесли, да водки ещё сколько-то бутылок, представляешь. В общем, пока мы поезда ждали, наклюкались порядком.

– Что прямо на платформе пили? – прерывает меня брат Андрей – И полиция не остановила?

– В том-то и дело, что нет. Лучше б тогда менты остановили. Никто нас не забрал, хотя мы не буянили на платформе, конечно. В итоге мне пора в вагон упаковываться, а меня проводница не пускает. По той причине, что я в стельку пьян, а в таком состоянии в вагон нельзя. Ребята, меня провожавшие, бузеть начали, бесполезно. Упёрлась, и ни в какую. Пока мы ей взятку не дали.

– Много?

– По-моему, пару тысяч. В общем, прошёл в купе, завалился спать. Проснулся, как обычно, от сушняка. Смотрю, напротив меня стройная красивая леди расположилась. А у меня по пьяни-то язык развязан и руки загребушие. Я к ней, она в крик. С верхней полки пацан на меня полез, то ли парень её, то ли просто сочувствующий. Слово за слово, бросились в драку. Кто-то тут же, естественно, ментам сообщил. Они прибежали, скрутили одного меня, так как понятно, кто зачинщик. Ещё от них дубинкой по почкам получил. Ну и с поезда ссадили на ближайшей станции, передали коллегам, а

те, в свою очередь, культурно препроводили меня в местный обезьянник.

– А где ж они тебя с поезда ссадили? – брат Андрей качает головой.

– В славном городе Владимире. Допрашивали потом, хотели хулиганство пришить. Не знаю, чем бы дело кончилось, если б не мать!

– Ты ей позвонил?

– Да, использовал своё право на звонок, – я вновь пытаюсь улыбнуться, но выходит коряво и виновато, – она приехала с деньгами. Кому-то на лапу дала. В общем если б не мать, может и закрыли бы меня, и, как говорится, сушите сухари, пишите письма. А по приезду домой она мне сказала: «Езжай в скит, не то пропадешь! Адрес я разузнала и настоятельно уже позвонила, он тебя ждёт». Я ещё какое-то время пил, сопротивлялся. Но понял, жизнь как машина без тормозов под откос летит. А теперь, как видишь, здесь.

– Мне тоже мама помогла в этот скит приехать. И тоже, как и тебе, адрес разыскала. Она недавно приезжала ко мне, проверяла, как я тут устроился. Спрашивала, не хочу ли я вернуться домой.

– И ты не поехал.

– Не поехал.

Брат Андрей поднимается, взглядом приглашает пойти к ферме. Я иду рядом с ним. Монастырские коровы прекращают щипать траву и тупо смотрят на нас. Если бы не их хвосты, постоянно отгоняющие назойливый гнус, можно было подумать, что это статуи, а не животные. Брат Андрей подходит ближе к рябой корове и тянет к ней руку. Корова в ответ тянется к нему и ищет своим мокрым носом его руку.

– Зорька. Зоренька, – с любовью говорит он, – Она у нас самая надойная. Много молочка приносит.

– А всё же для чего ты здесь, брат Андрей? – спрашиваю я.

– Главная моя беда в том, что я утратил в веру Бога, – говорит он, продолжая идти по тропинке к ферме, – я в университете религиоведение изучал, самостоятельно много книг религиозных прочитал и вывел для себя некоторую универсальную характеристику Бога: что он един, и в то же время находится в каждом из нас; он трансцендентен, и в то же время его можно

понять; он не имеет формы и не является какой-либо материей, и в тоже время его можно ощутить.

– А ведь я по сей день так себе Бога представляю – соглашаюсь я, – конечно, в политехе религиоведение мы не изучали, но я тоже кое-что читал. Мне близка теория Абсолюта, слышал? Первоосновы мира, в которой Бог – это деятельная энергия, его персонификация.

– Я знаком с этой теорией, – кивает брат Андрей, – попытка понять «объективную реальность». Читал я и Шеллинга и Гегеля. Есть у них незначительные разногласия, но Бога они определяют одинаково: Бог есть бесконечная деятельность, которая стремится к самопостижению. Однако назначение человека в их трудах сходно с постулатами многих религий: человек с помощью своих разумных действий может выбирать между добром и злом, должен искоренять зло, отказавшись от своеволия и стремясь к Богу. Как и в православии!

– И всё же многое в православии для меня непонятно, и даже противоречиво, – говорю я, и тут же опомнившись, что нахожусь на территории православного монастыря, добавляю, – прости, брат Андрей!

– Не извиняйся. Если говоришь от души, нечего стыдиться. Меня самого преследовали эти сомнения. Но, в конце концов, я пришёл к такому заключению, что в России, исходя из особенности менталитета, территории и других факторов, иной религии, кроме православия, нет, и быть не может... Прости за пафос! – брат Андрей останавливается и испытывающе смотрит на меня – А что тебе непонятно в православии? Может, я попытаюсь развеять твои сомнения?

– Ну, например, идея о рае и аде для православных христиан и для всех остальных, – нахожусь я, – как можно допустить, что всякий не православный должен гореть в аду? А если человек не был крещён, не исповедовал христианства, но всю свою жизнь строил по заповедям Христа. История знает много достойных имён. И что эти люди тоже обречены на вечные муки, наряду с убийцами и насильниками?

– О! Это распространённое заблуждение, – мой вопрос несколько не обескураживает брата Андрея, – да, в истории и среди нас множество добрых и бескорыстных людей, которые, не

являясь христианами, самозабвенно проявляют любовь к ближнему. Здесь нужно обратиться к Евангелию от Матфея, где описывается страшный суд. Помнишь, о чём говорится в двадцать пятой главе?

– В общих чертах, – смущаюсь я, на самом деле я смутно помню о чём она.

– Там говорится, что Господь придет во славе и сядет на престоле, а перед ним соберутся все народы; и отделит он одних от других, как пастырь отделяет «агнцев от козлищ»; и поставит овец по правую свою сторону, а козлов по левую. То есть Господь отделит людей на две группы независимо от их воли. Далее Евангелие сообщает нам, что Христос приходит на суд и отделяет грешников от праведников. Заметь, не христиан от нехристиан, а грешников от праведников! Далее он допрашивает подсудимых. Но спрашивает он их не о принадлежности к конфессии, не о взглядах на мироустройство, а о милосердии и человеколюбии. Напоили ли вы страдающего жаждой? Одели ли вы нагого? Приютили ли вы странника в своём доме? Оказали ли вы помощь больным? Или не сделали этого? Ибо накормивший алчущего человека накормил Господа. Напоивший жаждущего напоил Господа. Одевший нагого одел Господа. Принявший странника принял Господа. Посетивший больного или же заключенного в темнице посетил Господа. А потом каждый получает по заслугам: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную!» Поэтому, Господь будет судить людей за преступления против любви, а не за что-то иное, – объясняет брат Андрей. Он заметно замедляет шаг, – а что тебя ещё смущает?

– Православие говорит о едином Боге, и в тоже время о триединстве: Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух составляют собой единую Божественную сущность, – я продолжаю идти по тропинке, – как это понять?

– В этом нет ничего противоречивого, брат Илья. Просто ты мыслишь в рамках принятой тобой теории Абсолюта, а в христианстве недопустимо мыслить абсолютной монадой, то есть неделимым целом, так как в Боге различаются три лица, три ипостаси: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, но они едины по своей божественной природе. Это невозможно понять или осмыслить в рамках «земных» процессов, так как Бог изначально

трансцендентен, – брат Андрей улыбается, но улыбка его не злая, а добрая. Скорее отеческая.

– Ага, это разные уровни познания, вероятно, – пытаюсь пошутить я, – кажется, я какое-то видео на «ютубе» смотрел – там один очень важный профессор говорил, что самый низший уровень познания у растения. Оно осознает себя только в том, что для жизни ему необходимы свет и вода. То есть растения имеют возможность считывать информацию и предпринимать какие-то действия. Следующий уровень познания у животного. Коза отщипывает лист от кочана капусты, не спрашивая у него разрешения и вообще не сообщая ему своих планов. Для кочана капусты коза есть высший разум, и познать он его не в состоянии. Аналогичным образом разум человека не способен познать высший разум, стоящий над ним, так как уровни сознания совершенно разные и...

– Ну, ну, лекция КОБ о принципиальной непостижимости Бога, – обрывает меня брат Андрей, – не забивай себе голову этой чепухой. Это лженаучное мракобесие, домыслы дураков, считающих, что они открыли все тайны мира и достигли просветления. Да, Бог непостижим для нашего понимания, если мыслить категориями формы, времени и пространства. Но мы можем прийти к нему, если будем следовать его заповедям.

Я обдумываю всё сказанное братом Андреем, разглядывая глинистую землю на тропинке, по которой мы медленно идём к ферме. Тропинка вся испещрена трещинами, расходящимися в разные стороны. Сознание моё сейчас тоже, кажется, потрескалось. Много остаётся для меня невыясненным.

– А как же противоречия в самом христианстве, – наконец, спрашиваю я брата Андрея, – раздор с католиками, например?

– Это всё детали. Желание осмыслить и применить Слово Божие к реалиям современной жизни. Согласно учению основных христианских конфессий, в том числе и православия, Бог выступает в трёх лицах (ипостасях). Бог Отец предвечно рождает Сына, Дух Святой предвечно исходит от Бога Отца. Это различие ипостасей, но не плотское рождение или образование энергии. В этом суть символа веры христианина, – говорит брат Андрей, поправляя очки. Он похож на профессора богословия, читающего лекцию, – на Толедском церковном соборе католическая церковь

утвердила добавление к символу веры исхождение Святого Духа не только от Бога Отца, но от Отца и Сына. Филиокве – добавление к латинскому переводу словесной приставки. Только и всего, но это стало одной из причин раскола христианства на католическую и православную церковь.

– Из-за словесной приставки? – удивляюсь я.

– Из-за словесной приставки, – повторяет он, – похожие причины в возникновении старообрядчества. Ты же знаешь, что Русь приняла христианство из Византии. Вместе с верой от константинопольской церкви мы переняли и богослужение, и уставные тексты. За несколько веков, естественно, возникло немало разночтений в этих текстах и различий в обрядах и ритуалах. Целью реформы Никона в середине семнадцатого века было произвести унификацию богослужения и церковных текстов. Аввакум и его последователи, которых впоследствии стали называть старообрядцами, на мой взгляд, недостаточно почитали саму веру, так как поставили выше неё церковные обряды и традиции. Да, возможно, никоновская реформа не учитывала мнение многих, была проведена поспешно, но разве церковный раскол – не есть сам по себе большой грех?! Стоило ли такой ценой добиваться его?! Мне кажется, нет.

– Наверно, ты прав, – соглашаюсь я, – хотя я читал, что протопоп Аввакум был очень умным и талантливым человеком, не только расколуучителем, но и оригинальным литератором. Староверы вообще почитают его как исповедника!

– А я и не говорил, что Аввакум бунтарь и невежда. – возражает брат Андрей - Согласен с тобой, он великий человек, даже согласен с тем, что святой. Но стоило ли устраивать непримиримую борьбу из-за реформы ценой многих жизней, в том числе и своей собственной. Ради чего? Ради древних устоев и обрядов? Его же собственная паства из Юрьева-Повольского в Москву заставила бежать. Ведь жизнь постоянно меняется, прогресс, в конце концов, не стоит на месте.

– Точно. А чего же останавливаться? Папа римский, вон, признал теорию эволюции и Большого взрыва, а заодно разрешил венчать и однополые пары. Зато паства довольна!

– Не перегибай, брат Илья. Иначе мы с тобой о геополитике рассуждать станем. А мы, если ты не забыл, в монастыре. Тут о

другом помышлять нужно. Нет в церкви такого греха, которого нет в миру. Если вера твоя крепка, никто и ничто её не ослабит. «Зри в корень», как говорится. Главное обрести Бога в себе!

– Ладно, извини – остываю я. Брат Андрей тоже успокаивается. С начала нашей беседы солнце успело окончательно высушить от прошедшего дождя землю, и принялось за нас. Мы подходим к ферме. Нам становится жарко, мы утираем выступивший на лбу и шее пот, но расходится не хочется. У обоих чувство недосказанности. Брат Андрей жестом приглашает сесть под шиферный навес, и мы садимся в его тень на дубовое бревно, служащее лавочкой.

– То же касается и других религий, на самом деле, – продолжает он.

– Ты о единобожии?

– Ага, о монотеизме.

– А что такое монотеизм?

– Так ведь ты о нём сам сказал, брат Илья, – вновь одной улыбкой смеётся он, – это религиозное представление о существовании только одного Бога или о единственности Бога. В противоположность политеизму и пантеизму.

– А! В противопоставление древнегреческому пантеону Богов? – понимаю я.

– Ну да. Монотеизм может быть эксклюзивным – вера в одного персонального и трансцендентного Бога, который объявляется личностью, и инклюзивным – допускает существование Бога в нескольких ипостасях при условии, что все они, по сути, являются одним и тем же богом. То есть христианство – это инклюзивная монотеистическая религия. Монотеистическими религиями также является и Ислам и много других верований. И все они сходятся в общих вопросах в понимании Бога. Расхождения имеются во второстепенных вопросах. Главное, что «Бог есть Любовь», как сказано в Евангелие от Иоанна, и он тот, кто не желает гибели человеку. Так ведь, брат Илья?

– Так, брат Андрей, – соглашаюсь я, хотя многое из того, что он сказал, я не до конца осмыслил. Я вновь ощущаю себя студентом, слушающим лекцию по религиоведению, – Бог есть любовь, а значит и главное предназначение в жизни у человека жить во имя любви – дарить её, не отвергать её, стремиться к ней.

И всё же, мне думается, что нет никакой разницы в том, сколько у Бога имён и лиц (ипостасей). Нет никакого другого рая или ада для атеистов и нехристиан. Мне было это очевидно и раньше. Но я думаю, что все мы живем в одной вселенной и являемся её частью, а значит, все мы вернемся в одно начало, станем одним целым. Все мы части одного Бога, и Бог в каждом из нас. Все мы дети Божьи, как и Иисус Христос! Но он пророк, чудотворец, мессия, пришедший рассказать нам о Боге.

– Я тоже когда-то так думал, – хмурится брат Андрей, – считал, что Христос, Моисей, Будда и иже с ними пророки Бога на земле, но при этом обычные, хоть и одухотворённые, люди, такие же как мы. Что суть всех религий одна, и для поклонения Богу вообще не нужно создавать религиозных конфессий и церковных институтов. На этом я успокоился, и больше не искал Бога. Но это оказалось неверным.

– Почему?

– Потому что это путь гордыни и тьмы, а не путь смирения и света. Самодеструкция, – довольно резко отвечает брат Андрей, но терпеливо продолжает, – я перестал молиться и забылся в своих страстях. В итоге ничто не могло удержать меня от рокового решения. Много времени я провёл в одиночестве, в депрессии. Несколько дней не выходил из дома и никого к себе не пускал, и такое чувство безысходности, бессмысленности и ненужности жизни одолело, – брат Андрей отворачивается и задерживает дыхание, потом глубоко вздыхает, видно, что ему трудно говорить, – ничего лучше я не придумал, как в покончить со всем этим...

Я ошарашен, мне и в голову не могло прийти, что брат Андрей способен на суицид. Вновь между нами устанавливается молчание, но теперь это другое, недоверительное и злое молчание, от которого нужно избавиться как можно скорее. Не зная, что сказать, я просто спрашиваю его:

– И что дальше?

– В петлю залез... – всхлипывает он – И опять неожиданно, как застучавшая меня за адюльтером жена, в комнату вбегает друг. Видимо, дверь входную я не закрывал. И спасает меня, вытаскивает из петли, считай с того света, – кажется, брат Андрей ждал любого вопроса, ему нужно выговорится, – он меня потом,

правда, хорошенько отделал, так что я ещё пару дней с кровати не вставал.

– Как ты избавился от навязчивых мыслей? – осторожно спрашиваю я.

– Ты знаешь, брат Илья, эти мысли у меня сразу же улетучились по возвращении в этот мир. Какое-то время я был в другом пространстве и времени, в отделённой реальности и понял, что наряду со многими запретами человеку абсолютно воспрещается убить себя и убить другого человека. Покончить с собой, значит бросить в лицо Богу данный им дар. А лишиться жизни другого человека, значит помешать Богу одарить другого.

– Что ты сделал потом?

– Я собрал оставшиеся сбережения и уехал. Просто собрал рюкзак, сел в первую попавшуюся попутку и поехал. Автостопом я оказался на Урале, потом на Дальнем Востоке, несколько лет я путешествовал по Китаю. В основном всё это время я перебивался лёгкими заработками, выполнял самую грязную работу, нигде не задерживаясь подолгу. В своих скитаниях я не искал друзей и знакомых, стараясь как можно меньше контактировать с людьми. Это не всегда получалось, – мне нужно было постоянно искать пропитание и ночлег. Сначала меня захлестнула и увлекла волна бродяжнической жизни, но потом я устал. Просто устал. Однажды я добрался до южного побережья и соорудил себе шалаш на диком пляже. Я понял, что больше никуда не хочу ехать. Каждый день я подолгу стоял у линии моря и вглядывался вдаль... Послушай, ты читал у Баррико «Новеченто, легенда о пианисте»?

– Ты про историю о пианисте, который родился на судне, и ни разу не сошёл на берег, – довольно отвечаю я. На этот раз он не смог застать меня врасплох, – да, прекрасная вещь!

– Так вот, там была история, которую пианисту рассказал один крестьянин. Он всю жизнь провёл, работая на поле, но как-то засуха уничтожила весь его урожай, жена сбежала с другим, дети умерли. И однажды он бросил всё и добрался до моря, которого никогда не видел раньше. И оно кричало ему: «Жизнь – безмерна!». Стоя у моря, вглядываясь, вслушиваясь в него, пробуя его на вкус, я как герой из той книги понял, что жизнь на этом свете безмерна, бесценна и, к сожалению, кратковременна. Внутри меня тоже бурлило и кипело море, море чувств. И мне захотелось

домой. Не просто домой, мне захотелось к маме, я вспомнил, как она с детства прививала мне православную веру: надевала крестик, учила молитвам и заповедям, водила в церковь. Я видел эту церковь на окраине города, как будто сверхзрением через тысячи километров видел. Как у Лескова, «смотришь, не зная куда, и вдруг перед тобой обозначается монастырь, или храм, и вспомнишь крещённую землю и заплачешь». Я вернулся. Я понял. Понял то, что Иисус Христос не просто пророк, сын Божий, ставший искупительной жертвой за грехи людей. Он показал нам на своём примере, что каждый достоин войти в Царство Божие, если будет следовать его заповедям, а главное жить во имя и ради любви. Вскоре я понял ещё одно. Я понял, что в миру меня больше ничего не держит. После этого я уехал в монастырь. Теперь я ответил на твой вопрос, брат Илья?

– Вполне, – мне неловко. История о неудавшемся суициде брата Андрея меня поразила. Я не сразу нахожусь и вновь спрашиваю его о работе в монастыре, – как же ты на ферме стал работать, брат Андрей? Ведь у тебя, как я понял, и опыта такого не было.

– Очень просто. Брат Пётр (это мой напарник, ты, ведь, помнишь) раньше с другим трудником работал, но тот из скита ушёл, а работы на ферме много, одному не справиться. Искали среди братии, кто согласится на ферму пойти, я и вызвался. Я животных с детства люблю. В школьные годы обед свой бездомным собакам скармливал. Котят всякий раз домой приносил. А брат Пётр со скотиной всю жизнь работал, он меня всему и научил. Я уже к этой работе привык, питомцы наши мне как родня теперь, тоже братья мои, только меньшие, – брат Андрей по-доброму смеётся.

– И надолго ты здесь? – я задаю ему ставший привычным для меня вопрос.

– Думаю, навсегда. Даст Бог, в рясофор постриг приму. Пока, по крайней мере, у меня нет никакого желания в прогнивший мир возвращаться. У нас на ферме с братом Петром свой мир, где не стремятся к потребительству, сребролюбию и потаканию страстям. Древние подвижники тоже покидали мир из-за его непривлекательности. Они искали другой мир, цветущую и радостную страну духа.

– Не пожалеешь потом?

– Уверен, что нет! Монашество не просто ограничение вольности тела, но стремление святости, к Богу, отказ от всего ненужного и лишнего, всего того, что удерживает на земле и препятствует вознестись на небо.

– Серьёзный шаг, брат Андрей. Дай тебе Бог укрепится на этом пути!

– Спасибо, брат Илья! И тебе дай Бог найти его!

Мне радостно. Чувствую, что и ему радостно. Мы как сосуды наполнились до краёв радостью, сидим и светимся. «А ведь я уже нашёл Бога, – думаю я. – Вернее, он всегда был рядом, а я по своей глупости не принимал его». Мы встаём с бревна, подходим к воротам фермы. Долго жмём друг другу руки.

– Кстати, брат Пётр, надолго с тобой? – спрашиваю я.

– И он, похоже, навсегда. По крайней мере, мне так говорит. Брат Пётр кого-то обидел серьёзно в прошлом. Но он добрый, думаю, ты заметил. Для него другой жизни, кроме как эта, тоже не существует. Так что мы два сапога пара. – Он смеётся и показывает на свои сапоги.

– Брат Андрей... Тебе больше не хочется уйти из жизни? Ты нашёл её смысл?

– Да! – он хлопает меня по плечу – Я об этом и говорю тебе. Путешествуя, я понял, что жизнь безмерна. А здесь в ските я понял, что она принадлежит Богу. Её нужно хранить и беречь, как самый важный Божий дар. Главное, хотеть над собой работать и жить в согласии с Богом, тогда и с собой будешь в согласии. Смысл самой жизни и есть Бог. Стать наследником царства Божия – вот единственно верная цель. Спасение в отказе от страстей, все наши грехи от соблазнов, на поводу которых мы идём. Совершаемые нами грехи – это шаги на пути в царство сатаны, и напротив, молитва, послушание – шаги к царству Господа. Опять же в Евангелии от Матфея сказано: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного».

Я покупаю на ферме продуктов. Брат Андрей назначает символическую цену. Мы тепло прощаемся с ним, а потом и со всей монастырской братией. Мне пора уезжать. Старший брат Михаил дарит мне на память чётки, связанные вручную послушниками монастыря. Я принимаю их и сжимаю в ладонях у груди. Кто знает? Возможно, они станут не просто амулетом, а проводником, чтобы вернуться в эту обитель.

Останавливаюсь за закрытыми воротами. Уезжать не хочется. Отец Иосиф предлагал подвезти меня до остановки автобуса, но я отказался. Мне хочется пройтись пешком в одиночестве и обдумать всё, что я увидел в ските. Хотя я знаю, этого времени мало: ещё долго потом я буду анализировать происшедшее со мной здесь. Взгляд мой падает на приставленный к лавочке фонарь со сломанным древком. Роюсь в рюкзаке, отыскиваю кусок провода, изоленту. Рюкзак у меня походный, так что найти в нём можно всё, что угодно. Как могу, креплю фонарь к лавочке, стараясь установить его вертикально. Достая церковную свечу, помещаю её внутрь фонаря. Осталось зажечь огонь, но неизвестно куда подевалась зажигалка. Слава Богу, в рюкзаке находится набор из трёх охотничьих спичек с запалом. И вот свеча горит...

Пламень веры, светом своим, как маяк, указывающий заблудшим сердцам праведный путь, путь к Богу.

Неспешно бреду по просёлочной дороге. Я не знаю, что я буду делать по приезду домой, как я стану жить. Но я чувствую, как во мне самом вновь затеплился огонь. Пусть это ещё только маленький огонёк, похожий на пламя церковной свечки, но он согревает меня. И боль моя отступает. Теперь я знаю, что в любых жизненных бурях у меня есть поддержка. Маяк, разрезающий мрак ночи. Если я собьюсь с пути, утрачу цель, мне есть куда возвращаться. Если я потеряю всех друзей и близких, останутся те, кто меня ждут. Мои братья. Мой Бог!

Литературно-художественное издание

Дмитрий Алексеевич Терентьев

ПЛАМЕНЬ ВЕРЫ

повесть

ISBN 978-5-93530-493-5

Подписано в печать 20.03.19 Формат 60x84/16
Усл. печ. л. 4,13. Тираж 250 экз. Заказ № 1073.

Издание и печать «**Издательский салон**» ИП Гладкова О.В.
603022, Нижний Новгород, Окский съезд, 2, оф. 227
тел./факс: (831) 439-45-11; тел.: (831) 416-01-02